

Преображенский

Вячеслав Шалыгин

Железный город

«ЭКСМО»

2006

Шалыгин В. В.

Железный город / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2006 — (Преображенский)

Многое ли зависит от разведки? А от контрразведки? Может ли тайная дуэль спецслужб кардинально изменить ход войны? Найти ответы на эти вопросы предстоит начальнику военной разведки Земли Павлу Преображенскому и его оппонентам из Geheimstaatspolizei (а по-русски – гестапо) на борту далекого космического города Эйзен. Так уж вышло, что главными задачами для обеих сторон стали одновременно и внедрение своего агента, и обезвреживание вражеского шпиона. И началась Большая Игра, ставка в которой – победа в космической войне...

© Шалыгин В. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	5
1. Февраль 2299 г., космический город Эйзен – Земля	12
2. Февраль 2299 г., Эйзен	23
3. Февраль 2299 г., Эйзен – Земля	35
4. Февраль 2299 г., Эйзен – орбита	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Шалыгин

Железный город

Пролог

«В 2299 году, на исходе первого этапа формирования современного мироустройства, Объединение Вольных Княжеств и Марсианский Триумвират столкнулись со множеством проблем, среди которых значилась и проблема космического города Эйзен, искусственного спутника Плутона-Харона. Трудное возвращение к мирной жизни после Пятой Космической войны отнимало у Земли и Марса слишком много сил, не позволяя отвлекаться на дела «третьего порядка», а между тем, на Эйзене прорастали политические зерна идеологии, которая однажды уже привела к разжиганию мировой войны. Правительства ОВК и Триумвирата отлично понимали, что Эйзен превратился в мину с часовым механизмом, и рано или поздно последует взрыв, но прямо вмешаться в развитие событий столичные дипломаты не могли. Руководство Эйзена умело держалось на политической волне и не давало формального повода для начала разбирательств. К тому же Колонии Рур, Юнкер и Марта использовали все свое влияние в парламенте ОВК и Наблюдательном Совете Наций, чтобы не допустить вмешательства сверхдержав во внутренние дела формально независимого, но близкого Колониям по духу и национальной идее космического города.

В связи с полной закрытостью и жесткой иммиграционной политикой Эйзена практически бесполезными оказались и усилия разведок, не раз пытавшихся, действуя своими специфическими методами, составить подробную картину жизни немецких колонистов на орбите Плутона. Тайная дуэль Главной разведывательной службы Марса и Geheimestaatspolizei¹ Эйзена закончилась с «сухим счетом» в пользу Эйзенской ГСП. Военная разведка Земли действовала успешнее марсианских коллег, но ощутимых результатов также не добились.

По мнению большинства аналитиков, именно провал разведывательных мероприятий привел к тому, что правительства Гордеева и Стивенсона недооценили степень опасности и не приняли мер, которые позволили бы избежать трагической развязки скрытого противостояния Эйзена и большинства обитаемых миров Солнечной Системы...

...Своеобразный статус-кво продержался до марта 2299 года. До того момента, когда из железных лабиринтов космического города Эйзен начала исходить не скрытая, а прямая и явная угроза безопасности ОВК, Марсианского Триумвирата и дальних Колоний».

(Служебный справочник «Новейшая история человечества», Земля, Москва, издательский портал RYBUF, 2327 г.)

¹ Тайная полиция (нем.).

* * *

Взрыв раздробил тело на тысячу частей. Единственное, что помешало организму рассыпаться грудой обломков – толстая кожа, задубевшая в соленой воде и под ураганными ветрами, покрытая коростой солнечных ожогов, почти ороговевшая в тех местах, где ее натирали ремни и лямки снаряжения. Превратившаяся в легкую броню кожа удержала кости, мышцы и внутренности на месте. Ура спасительной оболочке! Чем толще кожа подневольных бойцов, тем крепче оборона полигонов! Даешь поголовные аресты и отправку на планету Марта не прошедших расовый отбор слонов и носорогов!

Всё, попер бред контуженного. В общем-то, неудивительно, ведь от сотрясения мозга не спасает ни черепная коробка, ни титановая каска, а уж она-то покрепче любой слоновьей шкуры. Взрыв бризантного заряда буквально в трех метрах от тебя гарантирует подобное сотрясение, хоть надень две каски и вырой окоп в полтора полных профиля. Нет, в принципе и каски, и окопы – дело правильное, но не когда тебя обстреливают из орудий крупного калибра. Впрочем, знатоки утверждают, что калибр у них не самый крупный – сто пятьдесят миллиметров. Если взять для сравнения что-нибудь привычное, например, мишенный диск-отражатель, кажется, что сто пятьдесят миллиметров не так уж много, чуть больше диаметра диска. Ерунда! А вот если включить воображение и представить себе начиненную смертью дуру, ухающую от тебя в трех метрах, получается более чем достаточно. Мозги бьются о стенки черепа, все тело сковывает жуткая тягучая боль, а в ушах звенит, будто на голову надели медный колокол и проббили склянки. В глазах при этом становится темно, как в карцере политической тюрьмы «Шварцлюфт», а во рту образуется локальная пустыня, полная шершавого песка. В дополнение к богатой гамме ощущений взрывная волна поднимает и с силой швыряет тебя в густую липкую грязь на дне окопа. Пусть это не та волна, что способна убить, лишь ее краешек, но все равно приятного мало, вернее, нет совсем. Утешение одно – мыслишь, следовательно, пока существуешь.

«Ох, уж это академическое образование!» Аксель Хорст резко поднял голову, выныривая из лужи, и едва не застонал от боли в затылке. Грязь чавкнула, неохотно отдавая законную добычу. Аксель торопливо стер с лица вязкий чернозем и судорожно вдохнул. От удара о дно окопа весь воздух из легких вышел и превратился в пузырьки, теперь медленно лопающиеся на поверхности земляного киселя.

В лицо ударили брызги все той же грязи. Хорст снова утерся рукавом и попытался сесть, но тело не послушалось – руки дрожали и проскальзывали по стенке окопа, а ноги никак не желали подтягиваться к животу. В лицо снова брызнуло. Аксель часто заморгал, прогоняя мусть и пытаясь хоть немного очистить глаза с помощью наворачнувшихся слез.

Перед самым лицом, утопая в грязи по шнуровку, стояли армейские ботинки. То есть, стоял человек в ботинках, но выше щиколотки взгляд Хорста не поднимался. Поле зрения ограничивал поднятый кверху и непроницаемо грязный лицевой щиток шлема, а запрокинуть голову мешала проклятая боль в затылке. Человек наклонился – Аксель этого не увидел и не услышал, а почувствовал – подхватил Хорста под мышки и усадил к стенке посуше. Условно, конечно, посуше. Под проливным дождем сухого места не найти даже в герметичном бункере, не то что в окопе.

– Жив?

Вопрос был риторический, однако, ответить на него следовало. И лучше утвердительно. Не в том дело, что, ответ Аксель «нет», его бы тут же уложили на бруствер в качестве дополнительной защиты от пуль и осколков. В принципе, ответ мог быть любым. Понятно, что если ответил, значит, жив. Но неписанные правила обязывали отвечать утвердительно. Почему так? А почему в армии положено ходить строем и с песней? Для порядка, а еще, чтобы в голове

не роились лишние мысли. Вот по той же причине долго рассуждать в боевой обстановке не следовало. Чтобы не сбивать товарищей с толку. Ведь любая заминка, например, вызванная мгновенным замешательством, недоумением, могла стоить жизни.

– Жив, – прохрипел Хорст, сплевывая набившуюся в рот грязь. – Вода есть?

– Держи, – товарищ присел рядом и отстегнул фляжку. – Стихло вроде.

– А?! В ушах звенит, не слышу! – Аксель прополоскал рот и сплюнул в лужу.

– Стихло, говорю! – боец взял фляжку и сделал большой глоток. – Минут через десять полезут щупать! Если отобьемся, снова начнут молотить. И так пока не закопают всех без остатка. А как закопают, путь на станцию открыт. Что там во второй линии – десяток укреплений и батальон пехоты. Линия так себе, для галочки.

Солдат неплохо говорил по-немецки, но с явным акцентом. Хорст присмотрелся повнимательнее. Нет, раньше этого парня Аксель не встречал, наверное, он из другой роты.

– Что разглядываешь, не узнал? – боец усмехнулся. – Правильно, я не из ваших. Я разведчик.

– А-а, из взвода Райнхарта?

– С Земли я, парень. Загремел в ваш «Шварцлюфт» по глупости, и вот теперь тут. А ты политический?

– Как все, – Хорст замкнулся. Он, конечно, неслучайно попал в тюрьму для неблагонадежных граждан, но воспитан был на Эйзене и к чужакам относился в точности так же, как и «сознательные» граждане. Нет, не как к людям низшего сорта, но без панибратства. Особенно к землянам.

– Ясно, – разведчик уселся напротив. – Слушай меня внимательно, ариец. Нравлюсь я тебе или нет, мне начхать, понял? Твои гестаповцы засунули нас в эту жопу в качестве мишеней и в живых не оставят, так что мы в одной упряжке.

– Не мои, – обиженно буркнул Хорст.

– А чьи, мои? – землянин снял шлем и утер со лба испарину. – Это, наверное, я ору «Хайль Айзен!» и запираю людей в казематах за то, что они пропустили лекцию в Доме пропаганды. Я забавляюсь на секретных полигонах Марты и Гефеста, отрабатывая захват стратегических объектов Земли и Марса, я гною политзеков в окопах, заставляя изображать земных солдат, да? А еще это именно я делю всех людей на сорта. Так, что ли? Чего молчишь, Гитлер недорезанный?!

– Это издержки системы, – сквозь зубы процедил Аксель. – Идея Великого Порядка верна! Просто ее неверно толкуют.

– Кто толкует-то, идиот ты рыжий, кто? Канцлер твой? Министры? Да сами вы и толкуете! Так что лично мне лично тебя не жалко. Ты сам виноват, что сюда попал. Но кроме тебя и других фашистов-неудачников тут полно реально невиновных людей, которых надо срочно спасать. С нашим объектом все ясно, еще один штурм – и конец, но есть скромный шанс помочь соседям, а заодно выжить самим. Вон там, к югу, заброшенный завод, его обороняют пленные колонисты с Форпоста и Данаи. Гестаповцы замаскировали их под марсиан, даже заставляют разговаривать только на английском, для достоверности. Так вот, у них дела вроде бы не так плохи...

– Я не понимаю, зачем вы все это мне...

– Заткнись! Говорю, значит, надо! Под присмотром инструкторов позиции соседей «штурмует» десантная дивизия Сил орбитальной обороны Эйзена. Тамошним зекам обещано такое же липовое вознаграждение, как нам.

– Нас освободят!

– Нет, ну ты точно идиот! – землянин рассмеялся громко, зло, прямо Акселю в лицо. – Ты серьезно веришь, что твои фашисты освободят тех, кто доживет до «белой ракеты»?

– Послушайте, герр...

– Лейтенант Фролов, разведка Генштаба армии ОВК.

– Послушайте, герр Фролов, я не знаю, чем вам так насолили мои соотечественники...

– Да уж многим!

– А я думаю, только тем, что поймали вас с поличным и справедливо посадили в тюрьму за шпионаж! Так вот, не знаю, почему вы так не любите немцев, но я не потерплю...

Фролов неожиданно схватил Акселя за кадык и резко притянул к себе. Заключение понял, что не может дышать, но сопротивляться не посмел. Русский был вдвое крупнее и сильнее тщедушного эйзенского студента (теперь уже навсегда с приставкой «экс»). Примерно полминуты землянин мрачно смотрел Хорсту в глаза, затем покосился на его нашивку с фамилией, и четко проговаривая, казалось, каждую букву, сказал:

– Немцев я обожаю, герр Хорст. У меня дед по матери чистый немец. Я фашистов ненавижу.

Он разжал пальцы, и Аксель снова смог дышать. Конечно, насилие не могло изменить убеждений, но легко меняло намерения. Для начала Хорст умолк и обратился в слух. Русский, поняв, что строптивый пленец из далекого нацистского гнезда морально сломлен, продолжил беседу более миролюбиво.

– Есть удобный и безопасный маршрут. Пройдем по нему, пока не началась атака, соединимся с колонистами, удвоим шансы и свои, и соседей. Понял замысел?

– Да, – в горле запершило, и Аксель закашлялся. – Вы хотите, чтобы я всех предупредил?

– Соображаешь, – землянин одобрительно похлопал Хорста по плечу. – Через эфир такую вводную не доведешь, поэтому нужно обойти позиции и предупредить всех, кто еще жив. С собой брать только оружие и боеприпасы. Приказ ясен?

– Да, герр лейтенант, – Аксель ответил неохотно.

– Тогда двигай по окопу, собирай народ, а я проверю позиции артиллерии.

Фролов перебрался через задний бруствер и уполз в дождливый сумрак. Хорст же не торопился выполнять приказ. Он пока не доверял этому человеку. Да и не собирался доверять в дальнейшем. Посредник на этих учениях, комиссар ГСП Штраух лично гарантировал всем политическим заключенным пересмотр дела и освобождение, а уголовникам – значительное сокращение срока. Особенно убедительным был такой нюанс: герр Штраух уточнил, что освободят политзеков, конечно же, условно-досрочно и на воле они будут находиться под пристальным наблюдением участковых политических комиссий. Это было очень похоже на правду. И смотрел Штраух твердо, уверенно, как человек говорящий чистую, кристально чистую правду.

Аксель поймал себя на мысли, что не столько вспоминает обстоятельства инструктажа перед добровольно-принудительной отправкой на полигон Марты, сколько пытается себя убедить. А в чем, собственно? Посредник не уточнял, что уцелеть следует, оставаясь в своем окопе. Возможно, русский лейтенант прав и под прикрытием капитальных заводских стен выжить будет легче, чем в чистом поле. Возможно, вот он, благословенный компромисс, золотая середина, очередное подтверждение состоятельности учения о рациональном, средневзвешенном подходе ко всем нюансам жизни, которое так рьяно пропагандировал профессор Бернхард, и за которое его вместе с учениками, включая Хорста, упрятали в самую мрачную политическую тюрьму Эйзена.

Аксель с трудом поднялся и, поскальзываясь на каждом шагу, двинулся по траншее. Мучительная прогулка оказалась не слишком результативной. Найти удалось всего троих выживших. Из них только один согласился пойти с Хорстом. Двое оставшихся не хотели рисковать. Они, как и Аксель, свято верили в слово, данное офицером ГСП, и уповали на скорую «белую ракету». Резонное замечание, что вдвоем очередную атаку противника не отбить, зеков не испугало.

– У артиллеристов кладбище вместо позиций, – сообщил Фролов, съехав на животе в окоп. – Значит, трое нас? Негусто. Ладно, сколько есть. Время выходит. За мной.

Он рискованно выбрался на бруствер и пополз с ловкостью ящерицы куда-то прямо и немного вправо, Акселя показалось, что напрямик на позиции врага. Так же решил и Дитер, солдат, рискнувший пойти с Хорстом.

– Он с ума сошел! – ужаснулся Дитер.

– Там есть секретная тропа, – Аксель сделал глубокий вдох, задержал дыхание, как перед прыжком в холодную воду, и вскарабкался на бруствер следом за лейтенантом.

В грязи зачавкали мелкие, резкие всплески от пуль. Хорста обнаружил противник. Аксель прополз пару метров, спустился в очень условную ложбинку и прижался к земле.

– Дитер, оставайся на месте! – крикнул он товарищу. – Не высовывайся!

Видимо, солдат не услышал или не понял, что кричит Хорст. Он взобрался на бруствер точно там же, где это сделали Фролов и Аксель, но перевалить через земляной вал не успел. Пули выбили короткую барабанную дробь по каске и бронежилету, одна или две звонко щелкнули, пробивая лицевой щиток, и Дитер съехал обратно в траншею. Хорст стиснул зубы и пополз догонять Фролова.

Нагнал лейтенанта он в узкой ложбине, по дну которой струился то ли ручей, то ли просто поток грязи, стекающей по склонам.

– Вот по этому овражку в ту сторону, – пытаюсь отдышаться, сказал Фролов. – Километра четыре.

– Такой длинный ручей?

– Нет, там дальше лес начнется... тоже ничего как прикрытие. Главное – на мины не нарваться или под обстрел не угодить. Двинули?

Он поднялся и, пригибаясь, быстро пошел прямо по руслу ручья. Аксель почти уже двинулся за ним, но в последний момент замер и оглянулся, словно почувствовав чей-то недобрый взгляд.

Эйзенские десантники появились в распадке внезапно, будто бы материализовавшись из струй дождя и пузырящейся грязи. Хорст был новичком в военном деле, но месяц тренировок на полигоне даром для него не прошел. Аксель мгновенно развернулся, бросился на землю, вскинул винтовку и открыл огонь. Фролов сделал то же самое, но с позиции по другую сторону грязного ручья. Десантники оттянулись из ложбины назад, но обоим заключенным было уже понятно, что колонистам придется удерживать свой объект без посторонней помощи.

Фролов жестом приказал Акселя контролировать пространство к северу, вверх по ручью, а сам взял южное направление. Лейтенант оказался прозорлив. Десантники довольно быстро обогнули позицию противника и зашли с тыла. Интенсивный огонь заставил их отступить и в этот раз, но даже Хорсту стало ясно, что ситуация складывается далеко не в пользу зеков.

Как подтверждение этой невеселой мысли, в воде между беглецами ухнул взрыв, и Акселя накрыла тяжеленная волна грязи...

... – Этот готов, а пацан жив, даже почти в порядке...

Аксель понял, что говорят о нем, и с трудом разлепил глаза. В голове шумело, звенело и молотило, но терпимо. Руки, ноги были на месте, а болело по большому счету только в затылке, да немного в левом боку.

– Везучий, – пробасил человек в черном, наклоняясь к Хорсту. – Ну что, хитрец, выжил?

Хорст открыл глаза пошире. Над ним стояли двое: совсем юный лейтенант десанта и толстый комиссар ГСП, тот самый, который обещал выжившим условно-досрочное освобождение.

– Я... – Аксель попытался сесть, но рука проскользнула, и он снова шлепнулся в лужу, забрызгав серой грязью черное галифе офицера. – Простите, герр Штраух! Была белая ракета?

– Была, была, – ответил вместо Штрауха десантник. – Ты один дотянул, везунчик.

Хорст повозился в луже и все-таки умудрился встать на ноги. Помогать «везунчику», то есть, теперь практически свободному и реабилитированному гражданину Эйзена, лейтенант не спешил. Да и ладно, Аксель не обиделся, главное – жив!

– Ваша фамилия... – герр Штраух тоже смотрел на Акселя снисходительно, но с каким-то оттенком... подозрения, что ли?

– Заключенный Хорст, статья двенадцать двести восемь! – выпалил он автоматически. – Аксель Хорст.

– Ну что ж, вы свободны, герр Хорст. Можете идти, куда пожелаете. Вон там, на востоке есть небольшой городок, оттуда ходят рейсовые автобусы до столицы округа. Ну, а там... космодром, цивилизация, возможности.

– И я могу идти? – Аксель никак не решался поверить в свою удачу. – Прямо сейчас?

– А вам что, нужно прихватить из гостиницы багаж? – Штраух рассмеялся. – Проваливайте, Хорст. Если вернетесь домой до истечения срока, не забудьте встать на учет в политкомиссии. Но ГСП не будет возражать, если вы решите осесть на Марте. Намек ясен?

– Да, герр Штраух, спасибо! – Аксель попятился, затем развернулся и бросился прочь, то и дело поскользываясь в грязи.

Примерно минуту офицеры молча смотрели вслед убегающему узнику, затем Штраух хмыкнул и, подставив ладонь ослабевшему дождю, сказал:

– Не все считают это этичным: дать человеку надежду перед тем, как отнять жизнь, но я думаю, это в первую очередь гуманно, и к черту этику. А вы как считаете, лейтенант Пфайлер?

– Этика и гуманизм тесно связаны, – десантник удивленно взглянул на Штрауха. – К чему вы об этом заговорили?

– К тому, что еще минута, и вам придется спускать собак, лейтенант, чтобы остановить беглого преступника. Вы что, не устали месить эту грязь?

– Не понимаю, – десантник напрягся. – Вы же его отпустили.

– Я? – офицер ГСП состроил кислую мину и покачал головой. – Я не государственный суд, чтобы отпускать заключенных на все четыре стороны. Я же объяснил вам, лейтенант, это был акт гуманизма. На этих учениях никто из заключенных не выжил, к сожалению. Никто. Вам ясен намек?

– Нет! – офицер нахмурился. – Это... действительно неэтично, герр комиссар, и негуманно.

– Давайте без сантиментов. Вы стреляете лучше меня. Поставьте точку в этом деле.

– Я солдат и не стреляю в спину!

– Зато я не солдат и вполне могу вас арестовать за неподчинение приказу, – Штраух произнес это негромко и как-то вяло, но именно этот тон убедил лейтенанта, что спор не стоит нервов.

Пфайлер коротким жестом подозвал снайпера и кивком указал на удаляющуюся фигурку Хорста.

– Попытка к бегству! На поражение!

Выстрел был почти неслышным. Аксель Хорст споткнулся, рухнул на колени и, немного покачавшись, завалился назад.

Впервые за последний месяц он не упал лицом в грязь. В первый раз он лежал и любовался хмурым осенним небом северного полушария Марты, не заботясь о маскировке и защите от осколков. В первый и последний.

– И все-таки это было... подло, – процедил сквозь зубы десантник. – Я буду вынужден подать рапорт в политкомиссию ГСП.

– Не забывайте, лейтенант, – Штраух так и не повысил голос, но добавил строгих ноток. – Не забывайте и не забывайте одну аксиому: политический преступник не может

исправиться, он враг навсегда. Не факт, что, оставшись здесь, на Марте, он стал бы доносить землянам или марсианам о сути тренировок армии Эйзена, но исключать такой вариант нельзя.

– Я понимаю, но...

– А-а, дошло! Вас не устроил спектакль, так? Согласен, Пфайлер, я не великий актер. Хорошо, пойду вам навстречу, – Штраух саркастично улыбнулся. – Найдете еще кого-нибудь живого – добивайте сразу. Безопасный враг – мертвый. Альтернативы нет, лейтенант. Нет, и не будет. А рапорт можете подавать хоть самому канцлеру.

1. Февраль 2299 г., космический город Эйзен – Земля

«Кеттлеровская» беговая дорожка натурально, почти как живая трава, пружинила под ногами, виртуальная пастораль от «Телефункен» выглядела даже правдоподобнее реальности, а климатическая установка «Бош» создавала удивительно достоверную иллюзию утренней свежести. Пробежка по заветным уголкам земли отцов считалась обязательной утренней процедурой, но Альфред Краузе был готов выполнять этот пункт свода законов Великого Порядка и без отметок в личном политическом дневнике. Ему нравилось бегать по утрам. Особенно, когда климатическая программа выбирала туманное утро или первый, нежный и неустойчивый снежок на берегах Рейна. Правда, туман затруднял дыхание, а имитируя зимнее утро, «Бош» занижал температуру почти до космической, но все равно это было хоть какое-то разнообразие. Летние пасторали, честно говоря, наскучили.

Ветерок подул чуть сильнее, и Альфред прищурился. Пыль! На виртуальной сельской тропинке это было уместным явлением, но ведь пыль попала в глаза на самом деле. Откуда пыль в отсеке космического города? Поломка климат-контроля? Нет, наверное, все-таки имитация, просто снова очень правдоподобная.

Альфред потер глаза, опомнился, сошел с дорожки и заглянул в ванную. Тратить воду на виртуальную пыль было неразумно. Недельный лимит был почти исчерпан, а до воскресенья оставалось еще три дня. Краузе нащупал коробку с влажными салфетками (тоже недешевым удовольствием, но хотя бы имеющимся в свободной продаже), протер глаза, немного поразмыслил и умыл всё лицо. Отразившийся в небольшом зеркале результат был удовлетворительным. Некоторая помятость физиономии после сна осталась, но кожа посвежела, а глаза прояснились. Альфред пригладил ладонью короткие светлые волосы. Теперь почти полный порядок. Перевернув салфетку, он вытер шею и руки. А вот теперь без «почти».

Использованной ветошью можно было еще протереть стол и надраить ботинки, но времени на полное использование салфетки не осталось. Замечтавшись на беговой дорожке, Альфред слегка выбился из графика. Через десять минут следовало выходить из дома, а он еще не позавтракал. На ходу прикусив чистящую зубы и впоследствии самоочищающуюся губку, он прихватил с полочки бритву и направился в кухонный отсек.

Десять шагов – немыслимое расстояние. Не квартира, а дворец какой-то! Новое жилище нравилось Альфреду гораздо больше прежней клетушки, но привыкнуть к свалившейся на голову роскоши Краузе пока не успел. Целых три отсека, не считая ванной, заблудиться можно! Спальня, гостиная и кухня – мечта, а не квартирка. Хотя тут как посмотреть. После студии на сто пятом уровне – да, в сравнении с апартаментами шефа – скворечник, только чуть просторнее прежнего, на упитанного скворца. А старший инспектор ГСП – это по определению «скворец» вполне упитанный, даже если и молодой. Краузе получил должность всего две недели назад, но когда ему предложили переехать в сектор «А-12» на сорок четвертый уровень, скромничать не стал. Да, такого серьезного поощрения он пока не заслужил, но жилье жильем, а заслуги заслугами, накопятся еще, никуда не денутся.

Альфред включил бритву и занялся приготовлением завтрака. Выбирать было особенно не из чего. Программа пищевого синтеза предлагала либо бутерброды и яичницу, либо витаминную кашу из семи разных злаков. Напитки тоже стандартные: кофе и сок, якобы апельсиновый. Испытывая традиционное чувство досады, Краузе припомнил число и выбрал кашу. По четным он всегда выбирал четное блюдо, в данном случае второе, оно же последнее в списке.

Почему Министерство продовольствия не разрешало добавить в меню образцового гражданина еще хотя бы два-три блюда, Альфред не понимал с самого рождения. Ведь пишематы умели готовить что угодно, был бы рецепт и достаточное количество всего двух исходных ингредиентов: универсального концентрата «Хайнц» и воды. В ресторанах же подают свиные

отбивные и шикарные сосиски с великолепной тушеной капустой. Неужели свинину привозят с планет, а капусту квасят в пустых контейнерах из-под ядерного топлива на трехсотом уровне? Все сделано из концентрата, без сомнений, но почему вкушать эти деликатесы можно только в дорогих заведениях? Непонятно.

Краузе отмахнулся от бритвы, назойливой, будто муха (которую Альфред представлял себе весьма условно, по голокадрам из познавательных программ), и мельком взглянул в блестящий бок термоса. Искаженная «зеркалом» физиономия старшего инспектора была достаточно выбрита и летающая вокруг подбородка мушка-бритва, похоже, просто выслуживалась.

Каша сегодня удалась... как обычно. То есть, не удалась, а просто получилась: пресная, невкусная и вообще... мерзость. Но не доесть Краузе просто не мог. Это было все равно, что недомочиться или вдохнуть и не выдохнуть. Воспитание в рамках Великого Порядка не допускало таких вольностей по отношению к собственному организму – в равной степени принадлежащему и субъекту, и государству. Не хочешь – не ешь, но государственную собственность будь добр содержать в полном порядке и рабочем состоянии. Как приговаривала бабушка Эльза: «за маму, за папу». Сама она при этом ела пищу, приготовленную из продуктов с черного рынка. Иногда ее стряпня оказывалась и в карманах у Альфреда, но это случалось крайне редко; родители требовали, чтобы мальчик питался как подобает законопослушному гражданину, поэтому Краузе не запомнил вкуса бабушкиной стряпни. Зато он запомнил множество ее поговорок и баек: о Земле в целом и земле отцов в частности. Жаль, что бабушку выслали с Эйсена еще до того, как Альфред научился записывать файлы категории «личное». Вернее, научился он еще при бабушке (она и научила), но домашний компьютер хранить такие файлы отказывался, рекомендовал подождать до вступления в возраст «личности». Можно было сохранить файлы на детском сервере «*Kleingemeine*»², но для хранения в городской сети требовалось предъявить *Ausweis*³ кого-то из родителей. Пришлось запоминать. С одной стороны, дело было трудоемкое и неудобное, с другой – Альфреду оно понравилось. Он вдруг обнаружил, что внутри него есть некое пространство, даже целый мирок, в котором действуют только его личные правила и где ему не нужен «аусвайс» или еще какие-нибудь глупые документы, чтобы делать, что угодно и думать, о чем угодно. Конечно, в этом мирке и основой, и оболочкой, и внутренними перегородками служили статьи закона о Великом Порядке, но Альфред бежал не от закона, а от возраста. Бежал лишь для того, чтобы почувствовать себя не ребенком, но взрослым и ответственным гражданином, имеющим как обязанности, так и права, например, на личные файлы с бабушкиными рассказами.

Впоследствии, когда Краузе вырос, и необходимость ускользать из реальности в мир фантазий вроде бы отпала, он не забросил детский игрушечный домик внутри души. Он оставил его в качестве коробки под архив сугубо личных мыслей, чувств и страхов.

Сегодня в архив ушла раздраженная мысль об однообразии питания. Довольно брюзжать. Так недолго и проболтаться, да еще при ком-нибудь из начальства. Вот будет фокус! Только только назначили старшим инспектором (в сектор – паршивее некуда, но все-таки), и вдруг критика Министерства продовольствия. Здоровая критика, конечно, приветствуется, но ведь требование расширить программы пиццематов больше похоже на блажь! Ах, ах, как же мы ошиблись в вас, герр Краузе. Пинка под зад и обратно в сто пятый сектор. Не-ет уж. Лучше сдать брюзжание в архив и спокойно жрать «семизлаковую» кашу «Хайнц», сдобренную витаминами «Байер». В конце концов, есть свет в далекой перспективе тоннеля, есть! Получив должность шефа отдела, можно переехать в «Золотую свастику», роскошный сектор на двадцать первом уровне, и гурманствовать, сколько угодно. Там в компы заложены другие про-

² Маленький рядовой (нем.)

³ Удостоверение личности (нем.)

граммы, поговаривают, специально купленные на Терции. А уж готовить в том курортном раю умеют.

Кофе обжег пальцы, но Альфред не сразу сообразил, что произошло на самом деле. Только в следующую секунду, когда сигнал повторился, Краузе осознал, что пролил напиток, вздрогнув от неожиданности.

В меру чертыхнувшись, инспектор поставил чашку и поднял взгляд на проектор.

– Здесь Краузе.

– Герр старший инспектор, срочно требуется ваше присутствие! – сообщил крайне серьезный и образцово подтянутый Фриц Найдер, дежурный по сектору, он же первый заместитель старшего инспектора.

– Я выхожу через семь минут.

– Герр старший инспектор, оранжевая тревога.

– Дерь... – Альфред стиснул зубы и с сожалением покосился на остывающий кофе. – Да, иду. Чтобы не терять времени, докладывайте виртуально.

– Сегодня в четыре тридцать три-пять сорок две патрульные катера Сил орбитальной обороны блокировали и взяли на abordаж неопознанное судно. Оно шло в автоматическом режиме, ориентируясь на сигналы наших маяков. Судно не заминировано, но что-то с ним не в порядке, в эфире военные обсуждать это отказались. Согласно аварийному расписанию, судно пристыковано к выносному шлюзу карантинной зоны нашего сектора. По инструкции первым обследовать корабль должна группа экспертов ГСП во главе... с вами, герр старший инспектор.

– Да, я знаю, – Альфред почувствовал, что раздражение постепенно уходит. – Что еще?

Недопитый кофе в такой ситуации он готов был государству простить, да и государство наверняка прощало ему недокорм организма, ведь дело было важным. В конце концов, выпить чашку кофе можно и на службе, это не возбраняется.

– Кораблик устаревшей модели. Судя по идентификационному коду, также устаревшему, но пока действующему для гражданских судов, приписан к Юнкеру. Проверка по базам нашей разведки на Юнкере дала любопытный результат. Судно внезапно исчезло десять лет назад, во время Пятой Космической. Записано как не вышедшее из прыжка, так называемая жертва нуль-катастрофы.

– Неизбежные полпроцента комиссионных космосу за удобство гипердрайва, – припомнил Альфред фразу из обучающего фильма. – Занятно. Я что-то не слышал, чтобы пропавшие возвращались.

– Так и есть, герр старший инспектор – уникальный случай, – дежурный на мгновение замялся. – И еще одно... корабль идет на автомате, вроде мертвого, но сканеры показывают нагрузку в бортовой сети и... присутствие на борту живых организмов.

– И что вас не устраивает, Фриц? – Краузе покинул жилой сектор и вошел в лифт, который должен был доставить старшего инспектора прямиком в карантинный сектор.

– Десять лет... – Найдер коротко откашлялся и продолжил, как и раньше подчеркнуто бодро и деловито: – Все устраивает, герр старший инспектор! Полагаю, на борту есть живые... люди.

– Ваша пауза мне понравилась, – Альфред рассмеялся. – Но я вас понимаю. После десяти лет скитания за пределами пространства и времени прилетел этакий «Летучий германец», а на борту еще и кто-то живой. Есть над чем задуматься. Опергруппа готова?

– Так точно, герр старший инспектор!

– Прикажите транспортной службе оптимизировать маршрут и скорость движения моего лифта, я хочу прибыть к шлюзу первым.

– Да, герр старший инспектор, поправка уже введена.

В шлюзе Альфред действительно оказался раньше опергруппы, отряда оцепления и экспертов, спасибо продуманной транспортной сети (название «лифты» было скорее данью моде,

на самом деле небольшие капсулы-экспрессы перемещали пассажиров и вертикально, и в плоскости уровней-этажей космического города), но все-таки один человек сумел его опередить.

Увидев шефа, Краузе едва сумел скрыть гримасу досады. Там, где появлялся герр Штраух, работа шла к черту. Шеф Десятого карантинного отдела ГСП ненавидел всех и вся, и не стеснялся демонстрировать это при каждом удобном случае. Подчиненные в его присутствии начинали нервничать, ошибаться и спотыкаться на ровном месте. Поговаривали, что Штраух не всегда был таким гнусным злыднем, когда-то он вроде бы командовал целым отделом в дальней разведке и вел себя почти прилично, но за какие-то секретные прегрешения его из разведки пнули, и теперь он срывал обиду на новых подчиненных. В принципе, Краузе его понимал: быть фигурой в элите и вдруг съехать сразу на несколько ступенек вниз, в карантинщики, практически на самое дно! Обидно, конечно. Но подчиненные тут при чем?

Узнать ответ можно было только у самого Штрауха. В теории. На практике ему лучше было не задавать вообще никаких вопросов и ни в чем не перечить. А еще лучше – не попадаться на глаза. Именно по этой причине Альфред скис, едва увидел грузную фигуру шефа перед шлюзовыми воротами.

К немалому удивлению Альфреда, герр Штраух встретил подчиненного не традиционным испепеляющим взглядом, а чем-то вроде дружеской ухмылки. В поросячьих глазках шефа все равно отражалось презрение к такому ничтожеству, как старший инспектор карантинного сектора, а тонкие губы, почти незаметные на фоне складок тройного подбородка, кривились, добавляя к презрению порцию отвращения, но то, что Штраух не орал, а просто разглядывал Краузе, будто впервые увидел, можно было считать добрым знаком.

До Альфреда вдруг дошло. Причина лояльного отношения шефа крылась за титановыми створками шлюза. Бывшим разведчиком Штраухом овладел охотничий азарт, и он готов был пойти на что угодно, даже на рукопожатие с чертом, лишь бы на время вернуться в милую сердцу атмосферу встречи с непознанным, погрузиться в иллюзию своей прежней работы.

– Хайль Айзен, герр Штраух, – Альфред вытянулся перед шефом в струнку.

– Оставьте, – тот поморщился, но не преминул окинуть Альфреда цепким взглядом, чуть задержав его на подбородке инспектора.

Видимо, муха-бритва все-таки не выслуживалась, и Краузе поспешил ее прогнать, но мысли Штрауха сейчас полностью занимал «Летучий германец», и комиссар заставил себя не делать замечаний по поводу плохого внешнего вида подчиненного.

– Согласно инструкции... – начал было Альфред, но шеф его снова прервал.

– Я не должен присутствовать, – пробасил Штраух, – но поскольку вы впервые принимаете терпящее бедствие судно, я решил... проинспектировать.

Все-таки он вел себя необычно. Пустился в объяснения. И перед кем, перед каким-то навозным червем, карантинным инспектором. Что делает с людьми страсть! Пусть и не к фройляйн, а только к работе, но это настоящая страсть. Альфред даже отчасти зауважал шефа. Тот был редкой скотиной, но его преданность любимому делу заслуживала уважения.

Штраух понял, что допустил оплошность и замолчал. Краузе почему-то почувствовал себя виноватым и втянул голову в плечи, будто в ожидании подзатыльника. Ситуацию разрешил сигнал открытия шлюза, заглушивший другой сигнал – звонок прибывшего гросс-лифта. Однако створки транспорта открылись быстрее шлюзовых, и к моменту, когда система разрешила подняться на борт карантинного корабля, площадка была заполнена народом.

Краузе немного расслабился. В коллективе он чувствовал себя увереннее. Коллектив же, наоборот, напрягся, увидев Штрауха, и этот момент сыграл Альфреду на руку. На фоне заторможенных подчиненных он выглядел просто орлом: бодрым, инициативным, деловитым. Как раз таким, каким должен быть старший инспектор под строгим взглядом шефа отдела.

Альфред распределил обязанности между членами оперативной группы, раздал приказы оцеплению и экспертам, принял рапорт от командира абордажной команды и легко вспорхнул на палубу «судна-призрака». Ну точно, орел!

Угрюмо сопящий шеф поднялся на борт последним, но что самое удивительное, за все время осмотра он ни разу не вмешался в дела опергруппы и не дал ни одного совета экспертам. Что с ним творится, Альфред не мог и предположить. Просто подменили человека.

– Шлюзы открываются стандартными кодами Юнкера, – прервал размышления Альфреда командир абордажников *Hauptmann*⁴ Кригер. – Как и сигнал радиомаяка, коды устарели лет на десять, но пока в ходу.

– Неудивительно, учитывая, что он десять лет болтался в гиперее, – Краузе и десантник вошли в ходовую рубку. – Вы обнаружили подтверждение?

– Чего? А-а, срока, да, обнаружили. В бортовом навигаторе есть запись о прыжке. Они ушли из-под обстрела кораблей армии Воронцова, прыгнули через портал Ганимед-4 и вышли через Плутон-3... спустя десять лет. Но главное не в этом, герр старший инспектор...

– Позвольте угадать, – перебил его Альфред. – Воздух? На борту относительно свежий воздух, не так ли, капитан?

– Так точно. Прошу взглянуть на общую схему судна. Мы обнаружили три действующих отсека: силовой-два, в нем расположены установки жизнеобеспечения, холодильный и самый малый – жилой. В силовом отсеке на последнем издыхании трудится энергоблок – запаса топлива осталось на неделю-две. В холодильнике три десятка трупов – лежат не меньше года по бортовому времени. Некоторые с признаками насильственной смерти. Но самое главное – в жилом: мужчина, женщина и ребенок. Крайне измотаны, но живы!

– Очень интересно, – Краузе развернулся на каблуках. – Где этот отсек? Ведите, капитан.

– Прошу сюда, – Кригер экономным жестом указал на нужный выход из рубки. – По документам – все члены экипажа и пассажиры граждане Юнкера, но...

– Есть сомнения?

– Это ваша миссия, герр старший инспектор, не хочу показаться дилетантом, сующим нос в чужие дела, – капитан покачал головой. – Но мне показалось, что женщина даже внешне не соответствует стандарту расовой чистоты. Слишком широкие скулы, форма глаз, мочек ушей, волнистые рыжие волосы, фигура... Больше всего она похожа на славянку.

– На Юнкере нет жестких ограничений, – Альфред пожал плечами. – Я имел дело с несколькими торговыми представителями, которые не получили бы наш «аусвайс» даже за очень крупный вступительный взнос.

– В этом главная слабость планетарных провинций Великого Порядка, – десантник с сожалением вздохнул. – Низкий расовый ценз вследствие слабого развития евгеники и плохая идеологическая подготовка. На Руре еще куда ни шло, на Юнкере уже заметно слабее, а на Марте и вовсе ни к черту.

Командир абордажной группы был неплохо подкован по части пропаганды, из чего Альфред сделал однозначный вывод – Кригер служит не только в десанте. Скрытая, но большая часть жалованья поступает на его лицевой счет из фондов ГСП. Нелегальный коллега. Ну что ж, тем лучше. Меньше будет разночтений в рапортах, как это бывает, когда армейские и полицейские инспекторы тянут одеяло каждый на себя, вернее, на свою службу.

– Найдер, – Альфред притормозил, оборачиваясь к помощнику, – вызовите представителя компании-владельца этого судна. Когда прибудет, берите его под личную опеку.

– Да, герр старший инспектор! – помощник, до этого следовавший за начальством, как безмолвная тень, и внимательно следивший за ходом беседы, встрепенулся и бросился выполнять приказ.

⁴ Капитан сухопутных войск (нем.)

Капитан Кригер проводил его насмешливым взглядом, а затем указал на дверь в отсек.
– Вы правы, герр Краузе, лучше нам войти туда вдвоем, – он с сожалением развел руками. – Теснота, что поделать? Настройтесь, зрелище не из приятных.

* * *

В трех строчках содержалась масса информации. А сколько ее уместилось между строк! Даже сам факт получения секретной записки по гиперсвязи нес немалую смысловую нагрузку. В первую очередь было важно имя отправителя: Ван Ли. От этого человека никто не получал вестей целых восемь лет. Даже Великий Князь не встречался с ним и не разговаривал с окончания Пятой Космической. И вот послание. Причем не Гордееву, а лично князю Преображенскому. Откуда Ван Ли узнал, что такие вопросы теперь решает исключительно генерал-лейтенант князь Павел Петрович Преображенский? Впрочем, удивляться нечему. Загадочный китаец, казалось, знал всё и обо всем. Еще девять лет назад, встретив Ван Ли впервые, Павел Петрович был поражен осведомленностью «полковника из Генштаба». Ван Ли знал детали из жизни семьи Преображенских, которые никогда не выносились на публичное обсуждение. А еще Ван Ли предсказывал будущее. Не гадал, а именно предсказывал с точностью до девяноста девяти процентов. Правда, всегда определял условия, при которых предсказанный вариант осуществится, и прозрачно намекал каждому из ключевых участников событий, что ему следует делать. Если все выполняли свои функции с полной отдачей, предсказания сбывались. Возможно, Ван Ли из своих волшебных предвидений узнал, кому следует посылать секретную инструкцию?

Волшебных? Нет, они не волшебные. У Ван Ли другой секрет. Этот его... Эрг, так, кажется, он называет свой суперкомпьютер, вот секрет «волшебства». Машина, решающая невероятные математические задачи. Полковник утверждал, что это именно она рассчитывает вероятности, а ему остается лишь верно подобрать кандидатов для воплощения расчетов в реальность. Тоже непростая задача, но до сих пор у Ван Ли всё получалось. Точнее до тех пор, когда он бесследно исчез.

Почему загадочный провидец внезапно исчез, а уж тем более, почему вдруг снова объявился, оставалось гадать. У каждого свои причины всплывать или ложиться на дно. Вероятно, Ван Ли считал своей жизненной миссией роль «кризисного консультанта». Пока все шло своим чередом, он занимался личными делами, а как только обозначилась проблема – вернулся на сцену. Почему, зачем, какой ему от этого прок? Вопросы слишком далекие от темы. Вернулся, значит, так надо и ему, и остальным. Мотивы Ван Ли почти не поддавались расшифровке. Складывалось впечатление, что он мыслит иными категориями. Не то, чтобы нечеловеческими, но иными, более высокого порядка, или просто лежащими за пределами понимания обычных людей. Вот почему любые слова Ван Ли воспринимались как инструкции, подлежащие четкому исполнению, без лишних раздумий. Тем более, что на этот случай у князя Преображенского имелся однозначный приказ Гордеева: «буде объявится Ван Ли, слушаться его, как меня, даже без моего подтверждения его распоряжений. Оно ведь всяко бывает, долгие согласования на войне частенько миллионы загубить могут...»

«На войне...» В тот момент Павел пропустил упоминание о войне мимо ушей, но теперь понял, к чему готовил его Великий Князь. Секретный приказ Ван Ли подтвердил слова Гордеева – война неизбежна, и готовиться к ней следует уже сейчас. Каждому на своем участке, но со всем старанием.

«...Кандидатура резидента гарантирует невозможность провала...»

Преображенский перечитал абзац и хмыкнул. Довольно смелое утверждение даже для ясновидящего. Впрочем, если дочитать, все становится понятно. И агент, и резидент, и вспомогательные персонажи подобраны так, чтобы ни у кого из вражеской контрразведки не воз-

никло и малейшего сомнения в правдивости их легенд. Да по большому счету никаких легенд у них и нет. Все «играют» сами себя. Разве что с маленьким секретиком. Простенько и со вкусом. Немного смущала степень риска для агента-исполнителя, но если он действительно настолько хорош и психологически устойчив, как утверждает Ван Ли, все пройдет хорошо.

И это значит, что грядущая война не затянется. Именно так, ни больше, ни меньше. От успеха тайной операции, пожалуй, зависит исход всей кампании. Не зря же Ван Ли сосредоточился именно на этой проблеме. Кто лучше него знает, на какую клавишу следует надавить, чтобы прозвучал финальный аккорд пьесы? Никто, в том-то и фокус. Значит, при успешном развитии событий всё начнется и закончится к середине весны, не позже.

Преображенский взглянул на зимний пейзаж за окном и невольно поежился. К середине весны. Скорей бы она началась, весна. Не потому, что сильно охота повоевать, а просто надоела эта стужа.

Пока что весна намечалась, это бесспорно, но намеки были тонкими, можно сказать, сусальными. Холодный ветер гнал тучи, окрашенные в невообразимое количество оттенков серого, а по полям, дорогам и улицам мела хлесткая, злая поземка. Темная, вязкая река лениво ворочалась под толстым льдом, а деревья в парках зябко кутались в снежные «меха». Весенние намеки доходили до жителей столицы только косвенно, в виде удлинения светового дня и редкой капли, робко постукивающей в секунды небесных просветлений.

И все-таки весна была не за горами. Неделя-другая – и белый пейзаж потемнеет, смажется, осядет, потечет, пойдет прорехами – сначала серыми, потом зелеными, и, в конце концов, будет смыт во вскрывшиеся реки и пруды теплыми дождями. Всё это неизбежно, как бы ни желали иного люди. Хотя, кто не желает весны? Только тот, кто ее никогда не видел, не нюхал и не ощущал каждой клеткой тела. Но много ли таких?

«Вообще-то, если задуматься, немало. Например, колонисты на холодной Натали никогда не видели весны и не увидят, если только не обзаведутся дополнительным орбитальным «солнцем». А на Грации царит вечный день, совмещенный с вечным летом. Там хорошо, радостно, но, честно говоря, скучно не меньше, чем на заснеженной Натали. На Гефесте весна укладывается в стандартный час, буквально «щелк!» и «включилось» лето, а на Деа она почему-то как две капли воды похожа на осень, все время пасмурно и промозгло. Или взять Данаю... Хотя, к чему «шарить мыслью по дальнему космосу»? Есть пример «ближнего прицела» – Эйзен. Единственная колония в пределах Солнечной системы, не знающая солнечного света, ни реального, ни искусственного. Все крупные спутники уже сто лет живут в тепле и неге, а на этой жестянке, говорят, даже в элитных отсеках температура не поднимается выше семнадцати градусов. И ведь не такая это затратная статья – покупка и содержание орбитального рефлектора. На Ганимеде, Европе и Каллисто с запуском искусственных солнышек просто рай образовался. Титан, конечно, вещь в себе, но и он неплохо существует. Даже Тритон процветает! А Эйзен, как черепаха в скорлупе. Почти малая планета по размеру, а ни «спутника-солнца» у него, ни атмосферы. Вся жизнь внутри, а снаружи только причалы, да коммуникации. Ну и что какому-нибудь Гансу Мюллеру с Эйзена восторги землян по поводу весеннего пробуждения природы? Пустой звук, да и только.

Пустой звук... это верно. А вот для землян думы гипотетического Ганса отнюдь не пустой звук и не предмет гадания на кофейной гуще. Нам желательно точно знать, что он думает о жизни, о чем мечтает, какую идею вынашивает? А ведь вынашивает! Иначе Великий Князь Гордеев не стал бы менять правила игры «в разгар сезона» и отрывать своих «назначенцев» от текущих дел. У Гордеева насчет опасности с Эйзена есть точные разведданные, полученные по особым каналам, и скорее всего подтвержденные всё тем же Ван Ли. Что-то там зреет, какая-то крупная неприятность, но вот какая? Как это узнать, если проклятушие гестаповцы ни одного чужака и на пушечный выстрел к своему городу не подпускают. Даже торговые площадки у них вынесены на космические платформы и на внешние причалы спутника-кольца. Ни бизне-

сменом, ни дипломатом внутрь города не проберешься. А пробраться надо ну просто край! Иначе можно опоздать. Тревожны аналитические данные по Эйзену, ох тревожны. Прав Ван Ли. Да и Гордеев прав, что старую команду под ружье поставил, пришла пора, пусть это пока и не слишком заметно...»

Преображенский еще раз обвел взглядом панораму мерзнувшей Москвы и прошел к письменному столу. Привычка работать с документами, сидя за столом, сформировалась за годы правления на Каллисто. Не исчезла она, и когда Преображенский был временно призван Великим Князем на службу в Генштаб. Здесь действовало распоряжение, позволяющее офицерам использовать программу «персональный виртуальный офис», грубо говоря – трудиться, где и когда угодно, даже сопя в подушку на диване, но Павел Петрович был не склонен поддаваться соблазнам. Это, конечно, приятно и удобно – работать там, где тебе хочется, имея при этом свободные руки и почти не тратя лишнего времени на дорогу до конторы, но имелась одна загвоздка: «офис» подходил исключительно для рутинной работы. А в Главном Разведуправлении Генштаба Вооруженных Сил ОВК рутину следовало еще поискать. Что ни день новые «обстоятельства», ЧП или «вводные сверху», и все требуют тщательного обдумывания, а затем немедленных, но главное – неординарных решений. За три месяца введения в курс дел князь Преображенский перелопатил столько информации, сколько на спокойной Каллисто не найти при всем желании. За все восемь лет правления, с момента окончания Пятой Космической и до нынешней секретной мобилизации, Павел ни дня не работал в таком напряженном режиме. Взять хотя бы главную на сегодня проблему Эйзена. Она требовала настоящего мозгового штурма с последующим принципиальным решением: бить или не бить. Какой уж тут «офис»?

Преображенский открыл файл с пометкой «Совершенно секретно» и пролистал план операции «Буревестник». Подполковник Ривкин, начальник аналитического отдела, дал обильную пищу для размышлений. Менять план секретной операции в связи с новыми сведениями не требовалось, но кое-какие мероприятия провести стоило.

Но сначала следовало поговорить с разведкой. Корабль-невидимка полицейской армии «Беркут» с группой наблюдателей на борту висел в точке «Икс» уже неделю. Рапортовали разведчики ежедневно, но ничего нового в их донесениях не содержалось. Обычная картина, которую можно было увидеть и с дальних подступов к Эйзену, не вторгаясь в его условное орбитальное пространство.

Гигантский космический город походил на огромный грецкий орех, только с угловатыми контурами «извилины» и лабиринтов глубоких «каньонов» между ними. Резкие космические тени подчеркивали сложный «рельеф» внешней поверхности города, заодно создавая дополнительную маскировку в виде ложных «каналов». Завершенность картине придавало опоясывающее город кольцо, наподобие кольца вокруг Сатурна, только чуть толще, и связанное с «планетой» штангами-тоннелями транспортной системы. Все отсеки кольца были отданы под причалы. Имелись порты и на основном корпусе города-станции, но к выносным причалам Эйзена подходили торговые суда и пассажирские лайнеры, а из шлюзов внутренних промышленных секторов отбывали грузовики с продукцией литейных цехов и других филиалов корпорации «РУСТ». В любое время бортовых суток движение на всех этих рейдах было достаточно плотным, а по ближней орбите гигантской станции постоянно курсировали еще и военные катера.

Так Железный город выглядел раньше, когда разведчики смотрели на него в телескопы, так он выглядел и сейчас – при рассмотрении почти в упор. Жизнь вокруг Эйзена текла обычно и вроде бы спокойно, без откровений и сенсаций. Павел Петрович не обвинял «невидимок» в некомпетентности или халатном несении службы, но все-таки ждал от них большего, нежели простой мониторинг.

Преображенский выбрал в справочнике номер командира разведэкипажа капитана Казакова, но вызывать его не стал. Что толку? Появись у капитана новости, он позвонил бы сам. К тому же до стандартного времени связи осталось всего полчаса. Можно и подождать. Работать в таком настроении не получится, зато есть минутка для разговора с домашними. Яна должна была пригласить нового тренера для сына, интересно узнать, насколько он соответствует ее требованиям. Княгиня Преображенская женщина мягкая и душевная, но во всем, что касается образования княжича – сама строгость. Предыдущий тренер, по ее мнению, неверно дозировал нагрузки, без учета роста организма юного Преображенского. Честно говоря, Павел Петрович был склонен простить ему эту ошибку, но Яна была непреклонна: «ошибаться пусть идет на рынок!» Как бы не испортила Сережу чрезмерной опекой. Павел усмехнулся и выбрал номер жены.

Однако позвонить снова не получилось. С пометкой «Приоритет А» на комп князя пришел вызов от Казакова. Павел Петрович включил видеорежим и понял всё еще до того, как капитан раскрыл рот. Казаков стоял на фоне экрана фронтального обзора, на котором отображалась часть гигантской космической станции. Преображенский давно изучил этот внешний сектор Эйзена в деталях и потому сразу заметил изменения. В тени одного из «каньонов», на «глубине» десятого (из трехсот!) от поверхности уровня, к незаметному шлюзу было пристыковано древнее торговое судно. Возможно, дела сдвинулись с мертвой точки!

– Ваша светлость!

– Здравствуй, капитан. Новости?

– Скорее древности, – Казаков усмехнулся. – Судно класса «*Trog*»⁵...

– Серьезно?

– Виноват, – капитан рассмеялся. – Но это название подходит ему больше, чем официальное «*Trugbild-9*»⁶.

– Просто ты ревнуешь, – Преображенский тоже улыбнулся. – Давай по существу.

Рапорт об обстоятельствах появления судна-призрака уложился в полторы минуты, но Преображенского в первую очередь интересовал сам факт прибытия этой посуды на Эйзен. Ничего более конкретного Казакову было не разведать при всем желании, и теперь в игру вступал подполковник Ривкин. Анализ косвенных данных – его конек и прямая обязанность. Князь на секунду отвлекся и вызвал начальника аналитического отдела к себе. Поразмыслив еще секунду, он связался с генералом Луговым, своим временным заместителем (надо признать, довольно стойко перенесшим вторжение в его вотчину князя Преображенского), полковником Аверьяновым, бывшим военным атташе посольства Земли на Руре, а теперь главным специалистом в военной разведке ОВК по «немецким» колониям, и, наконец, с главным экспертом по электронной разведке генералом Олафсоном. Пора было провести первое секретное совещание по теме операции «Буревестник». До этого момента о ней знали (не считая Ван Ли) только сам Преображенский, Великий Князь Гордеев и экипаж беркутовского «Невидимки». Командующий полицейской армией генерал Бертье распорядился откомандировать требуемый корабль и экипаж без лишних вопросов. Теперь же операция перешла из подготовительной фазы в основную, и круг посвященных расширился автоматически.

С одной стороны – не очень хорошо, но с другой – у Павла Петровича не было причин не доверять коллегам и подчиненным. Профессиональный разведчик должен быть чуточку параноиком, это верно, только Преображенский пришел в свое время в разведку не из профильной школы, а из космического десанта и в глубине души до сих пор оставался штурмовиком, свято верящим в честное боевое братство. И ни опыт, ни обстоятельства не могли искоренить в нем этот недостаток. Впрочем, пока он князю не мешал. Когда-нибудь, возможно, помешает, но

⁵ Корято (нем.)

⁶ Призрак (нем.).

пока... К тому же каждый из посвященных будет знать только то, что ему необходимо для успешной работы. В целом картину операции будут представлять себе трое: сам Преображенский, Ривкин и Великий Князь Гордеев. Причем, последний вряд ли пожелает углубляться в детали, поэтому всей темой будут владеть только сам Преображенский и подполковник Ривкин, надежность которого не вызывает сомнений хотя бы потому, что он был учеником самого Ван Ли.

Так что расширение круга посвященных будет довольно условным. И не в угоду профессиональной паранойе, а просто, чтобы не мешать «постоянному составу» заниматься текущими делами. На князя и так все косятся, недоумевая, зачем назначать нового начальника, заведомо временного, не снимая при этом старого? Что это за блажь, и в чем смысл странной формулировки в приказе: «назначить начальником-инспектором вплоть до особого распоряжения Верховного главнокомандующего либо до официального окончания специальной миссии»? Напрямую никто не спрашивает, даже сам временно пониженный в должности генерал Луговой, но шепотков за спиной хватает. Ну, насчет «начальника-инспектора» подчиненным более-менее понятно: Верховный решил провести полнейшую ревизию разведуправления и выбрал довольно оригинальный, но вполне объяснимый метод. А вот «особое распоряжение» и «специальная миссия» народ настораживали, народ бурчал, и это бурчание частенько содержало информацию, озвучивать которую не следовало.

Так что лишние люди в деле ни к чему. Меньше будет кулуарных обсуждений. Преображенский вернулся к разговору с капитаном.

– Наблюдай за любыми маневрами вокруг посудины, капитан. Кто ее привел?

– Как и полагается, абордажные катера орбитальной обороны. Порядок есть порядок. Немцы на нем повернуты, вы же понимаете. Доставили, пристыковали, отвалили. Ничего подозрительного. Да все штатно, ваша светлость, не волнуйтесь.

– Дай-то бог, – князь кивнул. – Звони в любое время, операция по-прежнему под моим личным контролем. И еще... как у твоего заместителя с немецким?

– На уровне «Яволь, герр гауптманн». Причем с южнорусским мягким «г».

– Засунь его на ночь в «мнемосон». Пусть подучится.

– Это для третьей фазы операции?

– Так точно, капитан. Справится?

– Так точно, ваша светлость. Лейтенант Хренов у нас на все руки мастер, но лучше всего умеет дрыхнуть, на этом и сыграем.

– Вот и отлично. До связи.

Преображенский выключил комп и еще раз сверился с планом операции. Пока все шло нормально. Если так будет и дальше, Эйзен все-таки приоткроет свои секреты. Хотелось бы сказать: «откроет все свои секреты», но это нереально.

– Разрешите, ваша светлость?

В дверях одновременно возникли Ривкин и Луговой.

– Проходите, располагайтесь, – Павел указал на кресла для посетителей. – Дождемся Аверьянова с Олафсоном и начнем.

– Чувствую, дело пахнет новой операцией? – Ривкин изобразил, что принимает. – Большое дело?

– Наберитесь терпения, подполковник, – Преображенский коснулся окошечка «секретарь» на экране компа. – Оля, кофе на пять персон.

– Таки да, большое, – аналитик удовлетворенно щелкнул пальцами.

– Настройтесь на серьезную волну, Аарон Моисеевич, – строго проговорил Преображенский. – Ваш отдел, возможно, будет играть в деле ключевую роль.

– Весь внимание и серьезность, ваша светлость, – Ривкин поднял руки, одновременно чуть наклонив голову.

Генерал Луговой недовольно взглянул на подполковника. В штабе Управления все прекрасно знали, что князь относится к гениальному, а потому слегка сдвинутому начальнику аналитического отдела снисходительно, но всему есть разумные пределы. С точки зрения генерала, Ривкин злоупотреблял особым расположением его светлости. Впрочем, это их дела. Если Преображенский считает поведение аналитика нормальным, значит, так оно и есть. Да и верно, что взять с гражданского, случайно задержавшегося на военной службе после окончания войны?

– Ваша светлость, разрешите вопрос, – подал он Ривкину пример образцовой субординации.

– Спрашивайте.

– Вы не укажете, так сказать, вектор операции, не сориентируете, о чем пойдет речь? Чтобы мы могли собраться с мыслями.

– Пожалуйста, собирайтесь. Вектор указывает на Эйзен.

Луговой молча поднял брови. По лицу генерала было непонятно, удивлен он или раздосадован. Мелькнувшая гримаса имела признаки не совсем этих эмоций, но что-то близкое.

Аналитик вел себя более открыто. Он сразу же соорудил кислую физиономию и развалился в кресле, чуть ли не наполовину съехав под стол.

– Снова напрасная трата времени и средств, – Ривкин устало прикрыл глаза рукой. – Я же сто раз докладывал, ваша светлость, «взломать» Эйзен невозможно! Один шанс из миллиона. И это не голые слова, а точные расчеты на лучших компьютерах. Жадете выкинуть деньги на ветер? Так просто повысьте мне оклад!

– Обстоятельства изменились, подполковник. Когда вы узнаете подробности, ваши машины будут вынуждены рассчитать новую вероятность.

– Отбросим ноль, пусть даже два ноля, что это изменит?

– Увидим. Надеюсь, изменится всё, и в лучшую для нас сторону.

2. Февраль 2299 г., Эйзен

Такого количества разных документов Альфред не составлял еще никогда. К вечеру суматошного дня он уже с трудом соображал и, если бы не подсказки служебной программы, наверняка наделал бы в формулярах кучу ошибок. В дополнение ко всему над головой по-прежнему висел дамоклов меч инспекции герра Штрауха. Шеф постоянно маячил в поле зрения, что-то выясняя у экспертов-криминалистов и медиков. С точки зрения Краузе, картина была вполне понятной, и особо углубляться в подробности не имело смысла, но у шефа на этот счет имелась своя точка зрения, о которой он предпочитал многозначительно помалкивать. После десяти вечера к усталости добавилось раздражение. Силы кончились, работы оставались еще горы, а неумолимый Штраух продолжал докапываться до некой истины. В целом всё это утомляло сильнее марафона на беговой дорожке. Страшно хотелось упасть и хотя бы на полчаса забыться. Можно даже прямо здесь, на палубе шлюзового отсека. Все равно уйти с карантинной площадки без разрешения шефа невыносимо, а он, похоже, намеревался работать до полного выяснения всех обстоятельств дела.

Краузе усталым взглядом искал заместителя. Фриц тоже выглядел выжатым досуха и бродил по сектору на автомате, создавая лишь видимость работы. Почувствовав взгляд старшего инспектора, Найдер вяло кивнул и направился к Альфреду, в импровизированную зону отдыха. Заботливый инспектор Клаус, заступивший дежурным по сектору, прислал коллегам стандартный набор для сверхурочных работ: комплект пластиковых стульчиков, столик и несколько термосов с кофе и бульоном. Еще в набор должны были входить галеты, но их почему-то не оказалось. Посыльный только развел руками. Пришлось дать ему целых десять марок и отправить за печеньем в ближайший *Markthalle*⁷. За столь приличные деньги посыльный купил всего-то две маленьких пачки импортного ванильного печенья «Данкейк», но выбора у проголодавшихся офицеров не было. Государственные магазины, где можно было приобрести дешевые и питательные отечественные продукты, работали только до двадцати двух ноль-ноль. Из мысленного архива снова выползла мыслишка о бездарности министра продовольствия и его подчиненных, которые вместо того, чтобы поставить во всех секторах служебные пишематы, поощряют подпольную торговлю импортными продуктами на частных рынках. Где логика?

Альфред сунул в рот тающий на языке кусочек обывательского ванильного счастья и невольно прикрыл глаза. Было очень вкусно. А будь поблизости пишемат, пришлось бы снова давиться «семью злаками». Краузе без сожаления запихнул мыслишку про бездарность Минпрода обратно в архив. Десять марок, конечно, жаль, но во всем есть свои плюсы. Пойди он на рынок за импортными сладостями, на него посмотрели бы косо, а так... служебная необходимость удачно совместилась с тайным желанием любого нормального человека хоть иногда полакомиться чем-нибудь неординарным.

– Что у медиков? – отвинчивая крышку термоса, спросил Краузе. – Садитесь, Фриц. Кофе?

– Спасибо, герр...

– Рабочий день окончен, – перебил его инспектор, – можете обращаться просто Альфред.

– Хорошо, Альфред, – Фриц устало сел на пластиковый стульчик. – Я бы с удовольствием закурил.

Признание было неожиданным. Для офицера ГСП курение табака считалось постыдным, хотя напрямую не запрещалось. Но больше Альфреда насторожила откровенность обычно скрытного и немногословного Найдера. Он явно рассчитывал на ответную откровенность или

⁷ Крытый рынок (нем.)

хотя бы неформальный разговор. Думает, что сумеет раздобыть сведения, о которых полагалось знать только старшим офицерам отдела? Что это, его личное любопытство или спецзадание шефа, этакая проверка благонадежности молодого старшего инспектора? Кстати, а почему на эту должность не назначили самого Найдера, ведь он служит в отделе дольше всех, и по сроку вполне мог претендовать на место второго человека в секторе? Нет, с этим Фрицем следует держаться осторожно. Дружески, но на расстоянии. Так будет надежнее.

– Я бы с удовольствием разрешил вам, Фриц, но... – Краузе взглядом указал на шлюз, в котором минуту назад скрылся шеф. – Комиссар может появиться в любую секунду. Достанется нам обоим.

– Я понимаю, Альфред, – офицер вздохнул. – У медиков пока лишь предварительные выводы. С трупами более-менее понятно: почти все астронавты погибли от различных ран и повреждений. Естественную смерть прозекторы предполагают лишь в трех случаях из тридцати. Думаю, они перегрызлись, как пауки в банке.

– Неудивительно. А выжившие?

– Мужчину почти откачали, но пока он неадекватен; никого не видит в упор, несет какой-то бред и бьется в истерике. Доктор сказал, что это реактивный психоз.

– Реактивный? – Альфред хмыкнул. – А почему не гиперпрыжковый?

– Это медицинский термин, – терпеливо пояснил Найдер.

– Извините, неуклюжая шутка, – Краузе, чтобы скрыть неловкость, потянулся за очередной порцией «данкейка».

Фриц продолжил, будто бы ничего не заметив.

– Женщина в коме и, похоже, надолго. А вот ребенок почти в порядке, но толку от него мало. Девочке всего десять лет, шесть из которых она провела на борту корабля, причем, не в лучшей компании. Она боится всего и всех. Медики и психологи разводят руками. Требуется время на адаптацию, но сколько конкретно его потребуется, они не говорят. Врачи накачали ее транквилизаторами, так что в данный момент она мало отличается от товарищей по несчастью, тоже лежит мешком и грезит.

– Понятно. Что с представителем компании?

– Как! Вы с ним еще не познакомились? – удивился Найдер. – Он прибыл час назад и даже успел осмотреть судно.

– Что значит, «успел осмотреть»? – Краузе едва не подавился печеньем. – Без моего ведома?!

– Компанию ему составил сам герр Штраух, – Фриц виновато отвел взгляд. – Вы должны были его видеть, Альфред, это он разговаривал с шефом перед тем, как оба повторно прошли на борт «призрака». Вон там, у шлюза, видели?

– Да, да, – Краузе недовольно поморщился. – Герр Штраух требует результатов и в то же время...

Он поднялся со стульчика и одернул униформу.

– Пойти с вами? – спросил Найдер.

– Нет, лучше подстегните медиков. Пусть оставят в покое мертвых и сосредоточатся на выживших. Мы должны получить исчерпывающие данные на эту троицу в наикратчайший срок. В первую очередь меня интересует генетический анализ: кто кому родня и насколько близки эти якобы уроженцы Юнкера к стандарту расовой чистоты.

– Якобы? – заинтересовался Фриц.

– Пока не доказано обратное, их расовая принадлежность под вопросом, – пояснил Краузе. – Стандартная процедура. Вам ясно задание, Фриц?

– Да, герр старший инспектор, – Найдер тоже поднялся и коротко кивнул.

В первую очередь ему стало ясно, что едва наметившаяся дружба с начальством дала трещину. Но откуда он мог знать, что Краузе такой безглазый идиот?! Слегка раздосадованный

этой неувязкой, Фриц проводил начальника преданным взглядом и направился в медотсек. Генетический анализ? Ну что ж, это будет интересно, хотя насчет женщины все ясно и без анализа, она не арийка – сто к одному. Что из этого следует? Пока рано делать выводы. А уж какую из этого можно извлечь выгоду, тем более пока неясно. Будет день, будет пища.

Шефа и представителя компании-судовладельца Краузе нашел довольно быстро. Они прогуливались по верхней палубе судна-призрака, неторопливо беседуя, будто два философа, рассуждающих о смысле жизни. К появлению Альфреда оба отнеслись снисходительно, как к приходу официанта. В принципе, это Краузе устраивало. Ведь Штраух вполне мог наорать за то, что руководитель следственной группы знакомится с главным свидетелем едва ли не последним, и был бы прав. Но шеф ничего такого не сделал, и это было славно. Можно сказать, сошло с рук. А догнать улетающую ракету чужой беседы будет нетрудно, надо лишь сосредоточиться.

– В целом, повторюсь, герр комиссар, судно в очень приличном состоянии. Все-таки концерн «Даймлер-Ганза» умеет строить суда.

– Я поклонник продукции верфей «Вольф унд Сименс», – заметил Штраух.

– Вы говорите о военных кораблях и катерах, – уточнил представитель, – а я о гражданских судах. Этот «призрак» с честью выдержал испытание затяжным гипердрайвом. Безусловно, его реальное техническое состояние оценят специалисты, но предварительно можно сказать, что судно в порядке.

– Вы рекламируете своих партнеров, герр Фогель? – усмехнулся Штраух. – Никто не ставит под сомнение техническое совершенство немецких кораблей и судов, это было бы кощунством. Я также не сомневаюсь, что ваша фирма содержит суда в образцовом порядке, поэтому они с честью выдерживают самые суровые космические испытания. Но все-таки, давайте вспомним, какую службу представляю здесь я... и мой помощник.

Он снисходительно взглянул на Краузе. Второй раз за сутки – невероятная щедрость! Альфред вдруг понял, что шеф впервые за последний год чувствует себя в своей тарелке и потому практически счастлив. Вот ведь как мало нужно человеку для счастья.

Хотя... быть может, и не так уж мало. Кто знает, что у шефа на уме? Возможно, Альфреду просто неизвестны некоторые существенные нюансы, возможно, он видит только кусочки картины, которую выкопал из-под палубы древнего «Даймлера» старательный Штраух.

– Конечно, герр Штраух, я помню о главном предмете вашего интереса. Все файлы на экипаж переправлены в ваш компьютер. Я не могу добавить что-либо существенное, но если желаете, попробую дать неформальные комментарии к биографиям выживших.

– Будьте так любезны, – шеф скривился, выдавливая из себя вежливую улыбку.

– До трагического рейса парочка не была знакома. Матрос Юрген Крафт завербовался на это судно впервые, женщина – программист Катрина Вильгельм ходила на нем два года. Девочка, судя по всему, дочь кого-то из погибших членов экипажа. Более ранние сведения имеются в архиве нашего торгового флота.

– Мы договорились насчет неформальных комментариев, – напомнил Штраух.

– Да, да, конечно, герр комиссар. На матроса Крафта в наших архивах есть все данные, буквально с пеленок. Он типичный вольный матрос. Двенадцать лет до рокового рейса ходил на судах Юнкера и Марты. Расовая чистота очень приличная – девяносто процентов от золотого стандарта, благонадежен, хотя идеологически инертен. Криминальный файл на него, конечно, имеется – какой матрос без греха? – но ничего серьезного. Две семьи и три постоянных подруги на Юнкере, Марте и Гефесте. Спортсом не увлекается, в свободное время слоняется по кабакам и казино. Когда более-менее протрезвеет, обязательно садится за руль и гоняет до посинения по автобанам, преимущественно на Юнкере. В дальние рейсы ходит редко, последний был за год до найма на «призрак», ходил на Грацию. Вот, собственно, и все комментарии.

– Просто эталонный матрос, – задумчиво произнес Штраух.

– В общем-то, да, – Фогель кивнул. – О двадцати семи из тридцати двух членов этого экипажа я мог бы сказать то же самое, слово в слово, лишь поменяв фамилию. Исключения составляют капитан, две женщины и ребенок.

– А кто пятый? – позволил себе вмешаться Альфред.

– Пятый? – Фогель удивленно уставился на старшего инспектора.

– Вы сказали двадцать семь из тридцати двух. Минус пять человек. Капитан, две женщины и ребенок это четверо. Кто пятый?

– У вас все такие дотошные? – представитель перевел удивленный взгляд на Штрауха.

– Это наша работа, – шеф, надо отдать ему должное, всем видом показал, что он на стороне Краузе: пусть туповатого, зато своего.

– Хорошо, пусть будет двадцать восемь из тридцати двух. Это вас устроит, офицер?

– Старший инспектор ГСП Альфред Краузе, – строго поправил представителя Альфред.

Этому Фогелю, безусловно, плевать на чины Эйзенских полицейских, пусть они и величают себя «ГСП», намекая на достойное продолжение традиций предков. На Юнкере идеи Великого Порядка не имели такого сильного влияния на умы и настроения граждан, как на Эйзене, и к тайной полиции там относились без пиетета. Но все-таки, пока герр Фогель находился на борту космического города, ему волей-неволей приходилось подчиняться его законам и уважать его тайную полицию. В противном случае разговор мог выйти жестким и очень коротким. Мало ли людей пропадает в космосе?

Видимо, Фогель рассуждал именно так. Или прочел все эти мысли во взгляде Альфреда. Так или иначе, он подобрался, приклеил к лицу вежливую мину опытного дипломата и едва заметно поклонился.

– Очень приятно, герр Краузе. Я Мартин Фогель, представитель государственной транспортной компании «Юнкер-Д».

– «Д» означает «Даймлер»?

– Вы догадливы.

– Серьезный капитал, – Альфред почувствовал вибрацию в левой мочке и приложил палец к коммуникатору. – Извините, господа, срочный вызов.

– Новые сведения? – терпеливо дождавшись, когда Альфред примет рапорт, спросил Штраух.

– Да, это от Найдера. Готовы результаты генного анализа.

– Обсудим позже, – Штраух поднял руку. – Сначала дадим возможность герру Фогелю закончить свои комментарии. Что вы можете сказать о женщине, об этой... Катрине Вильгельм.

– Не так много. На эту женщину в архиве нашего торгового флота нет почти ничего, кроме иммиграционной карточки. На самом деле она появилась на Юнкере всего за пару месяцев до найма на судно. Так что ее происхождение – загадка.

– Так я и думал, – удовлетворенно заявил Штраух. – Она не арийка, видно сразу.

– Но если не ограничиваться сведениями архива... – Фогель взял эффектную паузу.

Он раздражал Альфреда в первую очередь своей театральностью. Кроме того, что он внешне был похож на слащавого зазывалу из земного рекламного ролика, так еще и говорил поставленным голосом, с паузами и эффектными модуляциями. Не будь он чистокровным арийцем (в противном случае власти Эйзена не выдали бы ему временный «аусвайс»), Краузе заподозрил бы, что Фогель педик. Почему-то эта мысль развеселила Альфреда, и он решил, что к представителю «Юнкер-Д» следует относиться чуть снисходительнее. Как к военному инвалиду. С одной стороны, он контуженный, и это не лечится, с другой – имеет Железный крест за храбрость, и это следует уважать.

– Не томите, герр Фогель, – едва уловимо пародируя интонацию представителя, попросил Краузе.

Фогель иронию уловил и сразу как-то обмяк. Наверное, решил, что не стоит тратить свои театральные таланты на двух тупых гестаповцев, все равно не оценят.

– Дамочка еще та попрыгунья, – голос Мартина тоже стал каким-то пресным. – Упоминаний о ней нет в архиве нашего флота, зато они имеются в базах торговых флотов едва ли не всех остальных Колоний, но... нигде нет свидетельства о ее рождении.

– Очень интересно, – на удивление искренне, будто ему и вправду интересно, выдохнул Штраух. – Вы серьезно помогли нам, герр Фогель.

– Принесли на хвосте хорошие вести ⁸, – снова поддел представителя Альфред.

– Надеюсь, тонкий нюх поможет вам взять верный след, господа, – ответил Мартин такой же скрытой подначкой.

– Возьмем, – ничуть не смутившись, сказал Штраух. – Принцип расовой чистоты – закон законов Эйсена. Ни один чужак не может ступить на палубу города. Только арийцы. Прошу, герр Фогель, мои подчиненные вызовут вам лифт.

Представитель с Юнкера уже входил в лифтовую кабину, когда его окликнул Краузе.

– Герр Фогель, одна просьба. Постарайтесь скорректировать свой рабочий график таким образом, чтобы всегда имелась возможность прибыть к нам для дачи дополнительных комментариев.

– Конечно, герр старший инспектор, – Фогель изобразил на лице полное понимание важности своей роли основного свидетеля. – Я всегда буду поблизости.

Когда за Фогелем закрылись двери лифта, Штраух тяжело протопал в «зону отдыха» и опустился в хлипкое пластиковое креслице. Альфред на секунду задержал дыхание, ожидая, что под тяжестью шефа кресло лопнет и разлетится сотней мелких обломков, но пластик выдержал нагрузку. Начальник отдела некоторое время сидел молча, враждебно косясь на термосы, затем чуть расслабился и жестом приказал налить себе кофе.

– Дерьмовый выродок этот Фогель, – буркнул он, принимая из рук Альфреда чашку. – Я навел справки, его бабка по материнской линии была на четверть чешкой. Что сказали медики?

– Матрос Крафт действительно имеет высокий процент – девяносто три от стандарта. Женщина не дотягивает и до сорока, скорее всего, она славянка.

– Катрина Вильгельм?

– Вот именно, герр Штраух. Явная подтасовка. Думаю, она была агентом землян на Юнкере. Во время войны даже у нас за расовой чистотой следили плохо.

– Возможно. Девочка ее?

– Нет. Это дочь капитана и второй женщины – врача экипажа. Чистота почти девяносто процентов.

– Понятно. Итак, Краузе, что мы имеем?

– Полезного торговому флоту матроса-арийца. Конечно, при условии, что медики выведут его из психоза. А также здорового арийского ребенка, что особенно ценно – женского пола.

Альфред намеренно замолчал.

– Ну что вы затормозили? – недовольно пробасил начальник. – Заканчивайте мысль.

– Она закончена, комиссар.

– А Катрина Вильгельм?

– Недочеловек не имеет права ступить на палубу Эйсена, следовательно, никакой Катрины мы не имеем. Если она выживет и поправится, согласно закону, мы должны отправить ее к месту постоянного проживания на борту нейтрального судна.

– Это верно, – Штраух скривился, – но я спрашиваю вас, как контрразведчика, а не как полицейского офицера или судебного пристава. Как мы можем использовать бывшую шпионку Земли на Юнкере Катрину Вильгельм во благо Эйсена?

⁸ Vogel – птица (нем.)

– Для начала следует убедиться, что она действительно бывшая шпионка землян на Юнкере, а не обычная авантюристка или искательница приключений. Понять это мы сможем, когда Катрина выйдет из комы. Но в лазарете карантинной зоны выздоровление может затянуться, а в приличный госпиталь ее не примут, даже если об этом попросит министр здравоохранения.

– Как это ни противно, вы правы, Краузе, – Штраух допил кофе одним глотком и медленно поднялся. – Утром я сброшу вам два адреса на Руре и Марте. Вызовете... э-э... пригласите от моего имени двоих экспертов. Эксперт с Рура, профессор Август Нейман, специализируется на внепространственной физике, он трудится научным консультантом отдела проектирования гиперторпед «РУСТА». А с Марты прилетит психоневролог, доктор Хирш, специалист по влиянию гипердрайва на человеческие мозги. Пока это все, чем я способен вам помочь. Еще могу дать совет: не все золото, что блестит, Краузе. Помните об этом. Иногда очевидные вещи оказываются не такими уж простыми. Помните об этом и работайте до беспмятства. Вы должны разложить ситуацию с «Призраком-9» на молекулы, на атомы! Вы отлично знаете, какое трудное и ответственное сейчас время. Мы не имеем права даже на самую маленькую и, казалось бы, безобидную ошибку. Обо всех серьезных подвижках в деле докладывайте мне лично. В любое время. А сейчас идите спать, Краузе, вы дерьмово выглядите.

Штраух бросил пустую чашку на стол и направился к лифту. Альфред растерянно потер подбородок. С такой щетиной и после суток на ногах выглядеть лучше, чем дерьмово, было бы сложно. Но причина растерянности инспектора заключалась вовсе не в последнем замечании шефа. Краузе впервые за всю службу *настолько* смутно понимал, чего от него хочет начальство. Штраух явно сделал для себя какие-то выводы, (частично благоприятные для Краузе, ведь обошлось без ора и почти без оскорблений) и теперь ожидал, что подчиненный найдет этим выводам фактические подтверждения. Но вот что забыл герр Штраух, так это поделиться своими выводами с этим самым подчиненным! И как теперь угадать, каких результатов ожидает строгий начальник? Как прочесть его мысли?

Краузе устало сел в кресло и поднял с пола термос. Он был пуст. Относительно солидно булькало в другом, но на крышке стояла пометка «бульон». Альфреду же сейчас позарез был нужен глоток кофе, а не бульона. Чтобы собраться с мыслями и прокрутить в памяти все, что говорил Штраух. Но кофе кончился.

Да и к черту кофе! Инспектор поставил термос на стол и решительно поднялся. Кофе тут не поможет. Надо просто выспаться. Сон разложит все события, слова и мысли прошедшего дня по полочкам, и наутро понимание придет само собой. Сон и только сон. Недаром право (оно же обязанность) на сон прописано в законе о Великом Порядке. Гражданин должен иметь здравый рассудок и трезвое мышление, которые гарантированы только в случае чередования периодов сна и бодрствования по формуле «семь часов через семнадцать». В этом пункте закон прав, как ни в чем другом.

Альфред почти доплелся до лифта, когда в мочке уха снова зазудело. Краузе прижал к уху палец и обреченно вздохнул.

– Что еще, Фриц?

– Я по-прежнему в лазарете, герр старший инспектор. Матрос с «призрака», кажется, выходит из затмения, а у женщины усилилась мозговая активность. И с девочкой что-то не в порядке, ей ввели вторую дозу транквилизаторов. Я подумал, это важно.

– Да, Фриц, это важно... – Краузе скрипнул зубами. – Но неужели не подождет до утра, черт побери?!

– Да, Альфред, я понял. До утра. Надеюсь, матрос не впадет в психоз снова?

– Что говорят врачи?

– Ставят девять против одного, что этого не случится, но я им не слишком доверяю. Они ведь обещали, что женщина проваляется бревном не меньше недели, а она...

– А она столько и проваливается. Усиление активности еще ничего не значит. Поверьте специалистам, Фриц, мы с вами не можем знать и уметь все на свете. А сейчас идите спать, это приказ.

* * *

«Корабли землян шли атакующим порядком, отрезая караван от портала и, казалось, никто и ничто во вселенной не в силах предотвратить худший вариант развязки. Маневры были бесполезны, сопротивление – тем более. Оставалось только рисковать: развить нужную для прыжка скорость и проскочить в ворота. Тут, правда, имелся один нюанс. Прыгать в ворота означало погибнуть с вероятностью в пятьдесят процентов; то есть, или да, или нет. До сих пор истории были известны лишь четыре случая гиперпрыжка в створ ворот. Два закончились относительно благополучно: корабли вышли не там, где нужно, но экипажи выжили. Еще два судна пропали без вести. Статистика так себе, но в данной ситуации выбора не оставалось, земляне уничтожали суда и корабли противника без жалости. Сдача была равносильна смерти, вот почему никто из членов экипажа не сказал и слова, когда капитан принял решение прыгать».

Так, если вкратце, было записано в комментариях к бортовому журналу. Наверное, так и было. Шок от нештатного прыжка уменьшил экипаж на три человека. Сердце не выдержало или мозги, трудно сказать наверняка. Никто из уцелевших и не задумывался над причиной. Минус три и точка. Все остальные погибли позже, через пять лет, когда стало окончательно ясно, что выбраться из лабиринтов гиперхода получится разве что случайно, то есть, неизвестно когда. Возможно, никогда. Сначала не выдержали нервы у суперкарго, он повесился на брючном ремне, потом подрались двое механиков, а потом началась всеобщая безумная резня, выжить в которой сумели только трое, да и то чудом.

Но сейчас это стало историей, страшное испытание закончилось. В полной мере насладиться возвращением в нормальный мир у выживших пока не получалось, слишком много прошло времени в одуряющем заточении вне пространства и времени, но сам факт возвращения действовал, как лучшее в мире лекарство, и экипаж «призрака» быстро шел на поправку.

Пассажир рейсового лайнера Эйзенской космотранспортной компании «Штурмфогель» поставил виртуальную пометку и закрыл файл предварительного отчета «карантинщиков», отправленный шефом отдела ГСП вышестоящему начальству (копия обошлась резиденту в каких-то двести марок взятки знакомому шифровальщику). Появление «Призрака-9» было последним, наиболее убедительным аргументом в пользу новой для резидента карьеры разведчика. Теперь не осталось и тени сомнения, выбор сделан верный, а значит, можно сосредоточиться на деле, для пассажира абсолютно неведомом. Хотя, в общем-то, ничего сложного и принципиально нового: шпионаж и руководство агентурой привычные реалии обыденной жизни, где все шпионят за всеми. Пассажир незаметно усмехнулся. Разве что в новой игре ставки повыше, риска побольше, да и техника посложнее: например, эти продвинутые средства связи с агентом – чудеса, да и только!

На самом деле, конечно, не чудеса, а высокие технологии, но принцип действия приборчиков настолько необычен, что обывателю проще назвать их «телепатическими усилителями» или вообще – «волшебными коробочками», чем понять, как эти штуковины действуют. Как это так – беседовать с кем-то, не раскрывая рта, «закачивать» в сознание собеседника инструкции из личного компа или подключать его к сети без посредничества компьютера, напрямую? Телепатия с элементами телетрансляции?

Удобно, ничего не скажешь. Удобно и безопасно. Пассажир мысленно произнес команду «подключения» и сосредоточился на контакте с агентом. Со стороны казалось, что пассажир рассеянно листает виртуальный журнал, периодически посматривая через иллюминатор корабля на приближающийся космический город, а на самом деле...

Странный все-таки этот псевдотелепатический контакт. Особенно интригует момент «соединения». Ты будто бы растворяешься в море общего сознания, но в то же время остаешься отдельной личностью с собственной волей и своими убеждениями. А главное – можешь контролировать ситуацию, можешь не допустить собеседника в закрытые для него зоны своего разума, или даже солгать, практически так же легко, как и в нормальном разговоре. То есть, о реальном «общем сознании» речь не идет, все в жестких рамках программ «ментальных коммуникаторов»: только передача информации, ничего больше. И все-таки здорово! Странно, но здорово.

Волна «соединения» накрыла, наконец, агента, и он увидел то же, что и пассажир: момент швартовки лайнера к первому из трех шлюзов выносного причала «Эйзен-112». Так было написано на шлюзовых воротах. Написано с претензией на общественный вызов, даже на провокацию: готическим шрифтом, а вместо тире заключенная в круг свастика.

«Сто двенадцать... – не замечая чужого присутствия, подумал агент. – Растет город, меняется. Помню свой первый прилет на Эйзен. Тогда причал под номером семьдесят был самым дальним и самым новым. И по три шлюза на причал тогда не делали. А вот внутренне «Железный город», похоже, не изменится никогда. Как и раньше, все та же идиотская идеология и эти бесперспективные игры в Новый Рейх. Как это они называют... Великий Порядок, кажется? Неонацисты недобитые, нашли, где строить свою новую империю. Хотя окраинное положение Эйзена на самом деле выгодно. Никто лишний раз сюда не лезет и жить не мешает. Жить и строить свой Рейх. Так, глядишь, что-нибудь, да и построятся. Если не Великий Порядок, то хотя бы Великий Кулак. Даже наверняка это будет кулак».

«Завидная выдержка, – подумал пассажир. – Я ожидал от вас бурной реакции или хотя бы удивления. Все-таки вдруг начали видеть чужими глазами. Или вы считаете, что видите сон?»

«Сон? Нет, не считаю. Просто если мне в задницу тайно вживляют микроскопический коммуникатор, значит, это кому-то нужно. Остается дождаться контакта и выяснить, кому и зачем. Вы резидент?»

«Да. Вы знакомы с такими приборами?»

«Только в теории. Над темой мысленных коммуникаций инженеры бьются уже лет двести, когда-то у них должно было получиться».

«И все-таки странно, что вы не удивились. Почему? Ведь вы довольно долго были... э-э... законсервированы, не так ли?»

«Вы доброволец?»

«Да. Как вы это поняли?»

«Профессионалы не задают таких вопросов. Разведчик всегда готов к операции, которая может начаться вообще без всяких «вводных», инструктажей и передачи необходимого оборудования. В нашем случае факт «прививки» подготовил меня к любому повороту событий. В первую очередь к «трансляции инструкций». Признаюсь, «телепатическая» форма трансляции – сюрприз, но не такой, чтобы падать с кровати от изумления. Будут еще вопросы или перейдем к инструктажу?»

«Да, перейдем. Я попробую закачать вам файл с инструкциями Центра».

«Центра? – агент улыбнулся, и пассажир каким-то образом это уловил. – Кто вас вербовал?»

«Это закрытая информация».

«Хорошо, кто руководит операцией?»

«Генерал».

«И все?»

«Да».

«Значит, это инструкции Генерала. Давайте придерживаться конкретных формулировок, без самодетальности. Простите, что указываю».

«Вы правы. Инструкции от Генерала. Принимайте».

Пассажир постарался скрыть досаду. Агент оказался гораздо опытнее связного. Получалось, что пассажиру было просто неприлично именовать себя резидентом. Что это за «резидент», которого полевые агенты тычут носом, как щенка? Пассажир тщательно заблокировал и эту мысль. Надо обязательно сохранить лицо, и все будет в порядке. В конце концов, может быть, это легенда! Да, такая легенда для конспирации. Резидент – дилетант. А на самом деле... Пассажир «затоптал» и эту мысль. Не хватало еще проколоться на фальшивых легендах! Вдруг агент прочитает эти мысли? Вот уж будет позор!

Никаких мыслей человека, летящего на борту пассажирского лайнера, «расконсервированный» агент, конечно, не читал, зато продолжал видеть его глазами и подсознательно воспринимать нечто похожее на инструкцию. Она больше походила на отсроченное задание, которое активируется лишь в назначенное время, но «закачка» шла, это факт.

«Задание получено, – спустя какое-то время доложил агент. – А теперь, простите, я вздремну. Так лучше усвоится, да и час поздний».

«Да, пожалуйста. До связи».

Пассажир рейсового лайнера закрыл виртуальный журнал и снова взглянул на приближающийся шлюз. Из надписи «Эйзен-112» уже была видна только свастика, точно по центру ворот.

Ну что ж, Генерал действительно неплохо подготовил операцию. «Телепатическое» внушение агенту прошло гладко, и это в свою очередь означало, что предварительный этап «вживления оборудования» тоже был проведен чисто и вовремя. Когда и кем – резидент не знал, да и не должен был знать. Главное, что тактика «один человек – одна задача» сработала. Непонятно, когда агент сможет приступить к выполнению «закачанных» в подсознание инструкций и сможет ли вообще, но два этапа преодолены успешно, а там будет видно. Не выйдет, значит, не судьба, будут задействованы планы «В» и «С».

Судно подошло к причалу вплотную, и, согласно правилам швартовки, на иллюминаторы опустили шторы. Стюардесса что-то мило мурлыкнула, наверное, попросила оставаться на местах до выравнивания давления в отсеках и ждать особого приглашения, а стюард раздал всем пластиковые колечки «РЭА». Начинка высокотехнологичных безделушек для простых смертных была секретом, но пассажир знал, что эти следящие устройства работают не только, как радиомаячки; они еще считывают биопараметры, проводят генный экспресс-анализ и даже слегка корректируют поведение. Насчет того, могут ли эти колечки при необходимости нейтрализовать врага, точных данных не было, но некоторые специалисты утверждали, что это вполне реально. Впрочем, это могло быть преувеличением, у страха глаза велики. В аббревиатуре были зашифрованы лишь слова «радиомаяк и экспресс-анализатор». Возможно, разумнее всего было так эти колечки и воспринимать.

К моменту, когда погасли таблички «пристегнуть ремни», колечки на пальцах пассажиров закончили процедуру идентификации и начали светиться. У кого-то зеленым, у некоторых желтым. У одного пассажира, сидевшего в том же ряду, что и резидент, но через проход – красным. Этому человеку не имело смысла лететь на Эйзен. На что он надеялся, непонятно. Его даже не выпустят из корабля, поскольку цвет колечка указывал, что его степень расовой чистоты крайне низка, менее сорока процентов. Все, на что мог рассчитывать настолько далекий от золотого стандарта человек – переговоры с эйзенскими партнерами по бизнесу прямо на борту лайнера. Хотя вряд ли у этого пассажира имелись на Эйзене партнеры. Закон о торговле запрещал чистым арийцам иметь дела с людьми низшего сорта. Обычно для этого использовались посредники с Юнкера, Рура или Марты. Наверняка в подавляющем большинстве пассажиры этого судна, имевшие желтый и зеленый цвет гостевых колец (чистота более пятидесяти и семидесяти процентов, соответственно), были именно такими посредниками. А этот

неудачник был либо начинающим бизнесменом, либо плохо подготовленным шпионом. Второе, скорее всего.

Резидент полюбовался сочным зеленым цветом своего колечка (девятью пять процентов – практически максимальный показатель), отстегнул ремень и поднялся из удобного, но порядком надоевшего за время полета кресла.

Поднимаясь, он на миг обернулся и ухватил фрагмент довольно занятного явления: шпион-неудачник «взламывал» кольцо. Как он это делал, было не совсем понятно, но колечко шпиона меняло цвет буквально на глазах. Резидент хмыкнул. Все-таки этот парень не такой уж простак. Но все равно ему не пройти дальше зоны таможенного досмотра. Там стоят генные сканеры помощнее этих экспресс-анализаторов, да и от взлома они защищены получше. Они вычислят шпиона на раз, а «на два» сотрудники ГСП вышвырнут его напрямик в сто двенадцатый шлюз. Причем, не проверяя, пристыкован ли еще по ту сторону ворот пассажирский лайнер. Если судно к тому моменту не уйдет в обратный рейс, шпиону повезет, если уйдет – на орбите Эйсена появится лишняя единица заледеневшего космического мусора.

Согласно неписаным правилам поведения на Эйсене, обладатели зеленых колец двинулись к выходу первыми. Резидента уважительно пропустили даже те, кто имел кольца почти такого же сочного зеленого цвета. Почти, да не такого же, поэтому и пропустили.

Пассажир пересек шлюзовую площадку, окинул надменным взглядом шеренгу пограничников, небрежно поставил свой багаж на тележку робота-носильщика и прошел под пластиковый навес стационарного таможенного сканера. Пока службисты проверяли документы, багаж и проводили углубленное сканирование, гость с интересом наблюдал за действиями усиленного пограничниками патруля ГСП, затаившегося прямо у шлюза. Офицеры тайной полиции явно кого-то поджидали. Скорее всего, шпиона-взломщика. Видимо, сработал он грубовато, и колечко успело просигнализировать о взломе. Резидент усмехнулся. Наверное, это марсиане решили вновь попытать счастья. Дилетанты. Они свято верят в возможности собственных высоких технологий и никак не желают признать, что кто-то во вселенной умеет применять эти технологии эффективнее них.

Пассажиру вернули документы, багаж и вежливо попросили пройти в зал ожидания. До свободной зоны космического города оставалось всего несколько шагов – по короткому коридору, минуя стеклянные двери, и неожиданная заминка показалась странной.

– Зал ожидания? Мы кого-то ждем? – Резидент обернулся к пограничнику.

– Одновременно с вашим судном ко второму и третьему шлюзам сто двенадцатого причала подошли еще два борта. Согласно требованиям инструкции по безопасности, до высадки всех пассажиров и закрытия внутренних ворот всех трех шлюзов выход из сектора запрещен. Приносим извинения за неудобства.

– Да, конечно, безопасность прежде всего, – пассажир прошел в зал, встал у внутренней стеклянной стены и снова сосредоточился на шоу в зоне досмотра.

Шпиона схватили, как только он показался в досмотровом секторе. Пару минут офицер ГСП что-то ему объяснял, а затем патрульные довольно грубо втолкнули «марсианина» обратно в шлюз и почти пинками погнали на борт лайнера. Старший группы тем временем подписал у пограничников протокол задержания-депортации и отправился в служебный бар пить кофе, надиктовывать рапорт и дожидаться возвращения помощников, которые были обязаны оставаться рядом с депортированным субъектом вплоть до отправления судна.

Глупо. Попытка проникновения на Эйзен этого «марсианина» была нелепой и какой-то чересчур показательной. Случись это лет десять назад, понять логику шпиона и его начальства было бы нетрудно. Тогда об эффективности работы ГСП еще не ходили легенды, и иностранные разведки могли надеяться, что простенький трюк со «взломом» гаджета позволит забросить агента дальше, чем в погранично-таможенную зону Эйсена. Но теперь-то, когда любому первокурснику разведшколы известно, что ГСП – это самая эффективная контрразведка всех

обитаемых миров, устраивать такое глупое шоу было, как минимум, неэкономично. Впрочем...

Впрочем, тому могли существовать свои резоны. Вариант навскидку – отвлекающий маневр. От чего? Это уже другой вопрос.

В зале ожидания стало довольно многолюдно. Резидент с интересом оглянулся по сторонам. Судя по одежде, акцентам и некоторым нюансам поведения пассажиров, рейсы прибыли из трех разных дружественных Эйзену Колоний. Гости с Рура были в основном сдержанны, немногословны и безукоризненно одеты, а вот пассажиры судна с Юнкера выглядели не столь однообразно, держались самоуверенно и немного простовато, как люди с высоким уровнем доходов, но невысоким уровнем личной культуры. Что же касается уроженцев Марты, они без умолку болтали и смеялись, а их одежда отличалась существенным разнообразием красок и фасонов. Впрочем, во всех трех партиях имелись свои исключения: с серыми лицами, в кургузых полувоенных костюмах, опасливо поглядывающие в сторону офицеров ГСП. Это были вернувшиеся на Эйзен аборигены.

– Дамы и господа, прошу на выход! – прозвучало, наконец, из открывшихся стеклянных дверей. – Добро пожаловать в идеологический центр Великого Порядка, на борт космического города Эйзен!

Толпа гостей и вернувшихся восвояси жителей «идеологической столицы» оттеснила приветливого администратора и деловито протопала в «свободную» зону Железного города.

* * *

Офицер ГСП встретил обоих экспертов буквально в десяти шагах от зоны досмотра. Как он умудрился одновременно выудить их из толпы, понять было трудно. Наверное, у ГСП имелись для этого специальные методики.

– Профессор Нейман, доктор Хирш! – офицер козырнул. – Старший инспектор Краузе, к вашим услугам! Прощу следовать за мной.

Он любезно указал обоим гостям на ближайший служебный лифт-экспресс. Эксперты молча обменялись рукопожатиями, не преминув при этом бросить взгляд на цвет РЭА-кольца коллеги. Цвет внушал уважение, и вообще оба выглядели солидными учеными мужами. К тому же оба прибыли по личному приглашению комиссара Штрауха, а это говорило о многом.

Гости послушно вошли в лифт, но с отправлением случилась небольшая заминка. Инспектор Краузе на миг задержался у дверей, чтобы поздороваться с выходящим из зоны досмотра человеком в штатском. Судя по одежде – типичным гражданином Юнкера. Это не ускользнуло от внимательных взглядов гостей по двум причинам: инспектор был явно удивлен, а цивилизный растерян. Видимо, он не ожидал встретить Краузе в погранзоне. Не ожидал настолько, что теперь не знал, как поступить. Возможно, он даже задумался о бегстве с Эйзена домой, от греха подальше, хотя определенно только что прилетел с родной планеты одним из «сто двенадцатых» рейсов. В одной руке мужчина держал небольшой чемоданчик, а в другой сжимал документы. Едва открылись дверцы соседнего лифта, цивилизный бросился в кабину, будто получил хорошего пинка. Наверное, он понял, что улететь на родной Юнкер без визы ГСП теперь не сможет и решил просто поскорее исчезнуть из поля зрения Краузе. Что все это означало, оставалось гадать.

– Какие-то проблемы, старший инспектор? – поинтересовался Нейман.

– Нет, – после некоторого колебания, ответил Краузе. – Всё в порядке. Если не возражаете, господа, мы отправимся сразу на место, в карантинный сектор. По пути я введу вас в курс дела. Начну с общего описания ситуации и формальных данных, которые предоставил сотрудник компании-судовладельца Мартин Фогель...

– Простите, инспектор, – перебил Альфреда профессор. – Фогель из «Юнкер-Д»? Эксперт по эксплуатации маломерных судов?

– Теперь он представитель фирмы на Эйзене.

– Делает карьеру, – Нейман усмехнулся. – Кажется, я его знаю. Не с ним ли вы только что поздоровались?

– Да, это был он.

– Мне показалось, вы не ожидали встретить его в этом секторе?

– Да, это так. Герр Фогель обещал не покидать Эйзен до окончания следствия, но, как видите, нарушил данное обещание.

– Арестуете его? – исподлобья взглянув на инспектора, спросил доктор Хирш.

– За что? Никаких официальных клятв герр Фогель не давал. К тому же он улетал всего на ночь и вернулся точно к началу рабочего дня. Хотя, что за необходимость лететь домой всего на одну ночь, я не понимаю. Но с этим мы разберемся позже, господа. Не стоит отвлекаться на такие мелочи.

– Нарушение порядка на Эйзене считается мелочью? С каких пор? – профессор Нейман покачал головой.

Краузе промолчал, лишь состроил многозначительную гримасу. Видимо, она должна была означать, что офицер благодарит гостя за подсказку и здоровую критику, но одновременно просит не лезть в чужие, к тому же совершенно секретные дела.

Нейман понял инспектора правильно. Во всяком случае, от реплик в дальнейшем воздержался. Доктор Хирш тоже не раскрыл рта до самого прибытия в карантинный сектор.

– Вот наши подопечные, господа, – когда делегация прошла в палату, сказал Краузе. – Матрос Юрген Крафт, программист Катрина Вильгельм и фройляйн Ева Меркер, юная пассажирка трагического рейса. Как видите, все трое пока не в лучшем состоянии. Не так ли, доктор Хирш?

– Чтобы это понять, не обязательно быть доктором, – пробурчал Хирш.

Он вынул из чемоданчика маленький фонарик и молоточек, подошел поочередно к каждому пациенту, осмотрел, проверил рефлексы и, наконец, удовлетворенно причмокнул.

– Пока никто из троих не может быть вам полезен, герр Краузе, но надежда есть. Думаю, за неделю мы сумеем вернуть их в реальный мир. Всех троих. Сначала матроса, затем девочку. С фройляйн Вильгельм будет сложнее, но вернем и ее. Главное, чтобы нам никто не мешал.

– Я гарантирую абсолютную изоляцию, доктор, – заверил старший инспектор. – Только достаньте мне всех тараканов из их черепушек.

3. Февраль 2299 г., Эйзен – Земля

Конфликт на посту у входа в карантинный сектор разгорался, как пожар на складе горюче-смазочных материалов. Его не сумел погасить ни командир взвода охраны, ни даже опытный в таких делах Найдер. Когда оба офицера расписались в собственном бессилии, а «источник возгорания» раскалился, грозя поджечь не только пост, но и весь сектор, Альфреду пришлось принять непростое решение. Он собрал в кулак всю силу воли и буркнул «Пропустить». Краузе отлично понимал, что совершает очередную крупную ошибку, но ничего не мог поделать. Остановить корреспондента государственной информационной компании «*Heereszeitung*»⁹ Грету Нессель можно было только пулей. Нет, если задуматься, теоретически ничто не мешало тому же Фрицу или охране арестовать Грету за нарушение порядка в режимной зоне, но кроме виртуальной теории существовала реальная практика. В суровой реальности фрау Нессель занимала внештатную должность информатора отдела собственной безопасности ГСП. Обычно она не афишировала свою принадлежность к ГСП и совала нос в дела секторов исключительно под прикрытием журналистского удостоверения, но в крайних обстоятельствах... И уж если кто-то вынуждал Грету прибегнуть к секретному оружию, мало ему впоследствии не казалось. Фрау Нессель могла обеспечить провинившемуся как легкую «идеологическую головомойку», так и неприятности покрупнее. Кроме удостоверения сотрудника ГСП у Греты, верной жены замминистра вооружения Теодора Несселя, имелись широкие бедра, высокая грудь и, в связи с этим, неплохие личные связи в высших эшелонах власти. То есть, ее возможности были обширны, даже без учета связей мужа. Поссориться с фрау Нессель безусловно означало *sich in die Nesseln setzen*¹⁰.

В этот раз обошлось без предъявления секретных удостоверений и звонков наверх, но Альфред все равно чувствовал крайнее раздражение. На самом деле раздражение Краузе было вызвано не столько вмешательством посторонних в служебные дела, сколько личными мотивами. Появление прессы было некстати, но будь на месте Греты, например, Ганс Майер, инспектор Министерства пропаганды, Альфред отнесся бы к задержке в делах философски, как к полезной паузе. С Гансом было приятно поговорить, отвлечься, и затем с новыми силами взяться за прерванное расследование. Энергия же фрау Нессель была деструктивной, и после ее интервью каждый раз приходилось собирать мысли в кучу, а уж потом возвращаться к делам. На это уходило слишком много драгоценного времени. Особенно скверно было то, что Грета считала себя неотразимой и строила интервью на базе безудержного кокетства. А между тем у нормальных молодых мужчин она не вызывала никаких эмоций. Может быть, пожилые министры и западали на сомнительные прелести фрау Нессель, но такие, как Краузе, вряд ли. Во всяком случае, повторно. Среди знакомых Альфреда, не раз сталкивавшихся с напористой журналисткой, упоминание о Грете вызывало, как правило, стоны и чертыхания. А еще иронические ухмылки и реплики в адрес Краузе.

Однажды, работая молодым инспектором в складском секторе, Альфред не разобрался в специфических методах работы фрау Нессель и принял ее кокетство за искренний интерес к собственным мужским достоинствам. Чем всё это закончилось, Краузе безуспешно пытался забыть вот уже года три или больше. Таким идиотом он не чувствовал себя никогда в жизни. Мало того, что, не справившись с неумным сексуальным аппетитом Греты, он заработал снисходительное обращение «мой милый неопытный мальчик», так эта хитрая стерва еще и прозрачно намекнула, что об их случайной связи может узнать муж. Он, конечно же, простит взбалмошную молодую супругу, но непременно накажет ее любовника. То есть, во избежание

⁹ Армейская газета (нем.)

¹⁰ Сесть в крапиву, перен. «нажить себе неприятность» (нем.)

неприятностей, впредь Альфреду следует быть покладистым и предоставлять Греее любую информацию по первому требованию. Неудивительно, что с тех пор от Греты инспектор шараялся, как от огня.

– Мой милый Альфред, – Грета раскрыла объятия.

Краузе представил зев печи крематория и невольно отшатнулся.

– Здравствуйте, фрау Нессель. Слышал, вы были в отъезде? – «И дернул вас черт вернуться!» – мысленно добавил он. – Чем могу быть полезен?

– Вы же знаете, чем, – Грета кокетливо похлопала густо намазанными ресницами и «спроценировала» (черт возьми, как ей это удавалось, вот так, по заказу?!) на пухлые щечки застенчивый румянец. – Но сейчас, увы, мы можем только поговорить.

– Я крайне занят, фрау Нессель.

– Этим загадочным кораблем-призраком? Ах, как это романтично, как волнует! «Летучий голландец» дальних космических трасс! Это будет сногшибательный материал.

– Никакого материала не будет, Грета, вы же понимаете, это секретное дело. Отдел военной цензуры не пропустит ваш репортаж.

– С цензорами я договорюсь, – отрезала Грета. – Это не ваша забота, милый Альфред. Дайте мне информацию, а уж как с ней поступить я решу сама.

– Все, что я могу для вас сделать, фрау Нессель, это подтвердить слухи. Да, мы перехватили в ближнем космосе судно, утерянное Юнкером десять лет назад. На борту есть выжившие. Идет следствие. Это всё.

– Что за судно, какой компании принадлежало, кто выжил?

– Грета, идите... к герру Штрауху. Если он сочтет возможным, то даст вам больше информации. Я не могу. Не положено.

– К Штрауху? – Грета скривилась. – К этому толстому борову?

Мысленно Альфред ей поаплодировал, но все равно остался непреклонен. В данной ситуации враг моего врага другом не становился. Если задуматься, из двух зол Краузе выбрал бы шефа.

– Таков порядок, фрау Нессель, – Альфред коротко поклонился и почти улизнул из цепких пальчиков журналистки, но Грета имела отменную хватку. Скорее мышь могла вырваться из когтей совы.

– Но ведь я могу хотя бы взглянуть на этот загадочный корабль? Вы не откажете мне, милый Альфред.

Последняя фраза прозвучала не вопросительно и даже не утвердительно, а повелительно. Раздайся сейчас «голос за кадром», он бы непременно добавил: «И только попробуй возразить, сукин сын!»

Краузе снова включил воображение и представил расстрельный взвод. Перспектива была именно такой, но имелись два варианта: если показать Грете секретный объект – расстрел возможен, но если не показывать, а просто вытолкать эту стерву из сектора – расстрел неминуем.

– Вы понимаете, что я рискую? – задав этот вопрос, Альфред понял, что фактически сдается, и проклял себя за малодушие.

– Только одним глазком, – Грета хищно улыбнулась и обняла инспектора за талию. – Вы же знаете, Альфред, я не останусь в долгу.

Ее рука сползла ниже и механически помассировала Альфреду ягодицу, словно бы подкачала спущенную шину. Краузе понял, что побежден окончательно.

«Жаль, что на Эйзене нет смертельных венерических заболеваний, – уныло подумал Альфред. – Какая-нибудь «Чума-21В» могла бы запросто избавить нас от чумы нового порядка, то есть, от Греты Нессель. Очень жаль...»

– Грета, я не могу...

– Отказать такой просьбе, – договорила за него фрау Нессель и весело рассмеялась. – Ведите, проказник! Но сначала в шлюз, посмотреть на «призрака». Или вы хотите познакомить меня с выжившими членами экипажа? Думаю, такой репортаж с удовольствием посмотрит сам министр пропаганды. Хотите, я позвоню, спрошу у него, насколько будет интересен гражданам репортаж о спасении в космосе чистокровных носителей генофонда нации? Хотите?

«Hundin!». ¹¹

– Нет, не надо, – Краузе тяжело вздохнул. – Только никаких попыток взять интервью у спасенных, фрау Нессель. Они все равно не ответят на ваши вопросы.

– Вот как? А почему?

– Матрос едва пришел в себя, программист в коме, а девочке только десять лет и она, можно считать, никогда не видела чужих людей, вы можете ее напугать.

– Значит, их трое? – глаза у Греты загорелись. – Матрос, программист и девочка. Ах, как интересно!

«Ну почему я такой слабовольный осел? – Альфред в глубине души страдал, как узник в пыточной. – Убить ее мало».

Так вот, страдая и мысленно обзывая Грету распоследними словами, Краузе вел ее напрямик в изолятор, нарушая разом и все инструкции, и положения служебной этики, и для комплекта – обещание, данное доктору Хиршу. По совокупности прегрешений старшего инспектора впору было ссылать на двести пятьдесят седьмой уровень, рядовым в охрану политической тюрьмы «Шварцлюфт».

Лазарет карантинного сектора состоял всего из трех небольших помещений, в которых толкались локтями человек десять. Когда Грета, сунув нос в переполненный отсек, замешкалась, у Альфреда мелькнула обнадеживающая мысль, что фрау Нессель передумает, но чаяния инспектора оказались напрасными. Грета втиснула пышные формы в узкую дверь лазарета и решительно направилась к собственно изолятору.

На пороге она нос к носу столкнулась с доктором Хиршем.

– Вы куда? – как обычно, глядя исподлобья, спросил Хирш.

– Сюда! – журналистка попыталась отодвинуть досадную помеху с пути, но доктор, несмотря на малый рост и обманчивую пухлость фигуры, оказался крепким, просто каменным мужчиной. Фрау Нессель навалилась всеми своими килограммами (даже в условиях пониженной гравитации Эйсена вес у нее зашкаливал за девяносто), но Хирш устоял.

– Сюда нельзя, – спокойно заявил доктор. – Краузе, что это за фрау-бульдозер?

– Как?! – Грета задохнулась от возмущения и густо покраснела (на этот раз не по заказу). – Как вы смеете, жалкий, плюгавый докторишка?!

– Оригинальное ругательство, – Хирш поморщился и провел ладонью по лысине. – Вы забыли сказать «плешивый». Плюгавый и плешивый коновал. Обычно меня обзывают именно так. Краузе, я жду объяснений. Вы обещали абсолютную изоляцию, ну и где она?

– Это фрау Нессель, журналистка «Армейской газеты» и супруга замминистра вооружения.

– Понимаю, – доктор взглянул на Грету в упор. – Крученая штучка. Выведите ее вон, Краузе. Оздоровительные клизмы для элиты у нас по вторникам.

– Я... – Грета была явно растеряна. Никто на Эйсене не смел обращаться с ней так беспардонно. – Я корреспондент центрального издания! Я буду жаловаться министру здравоохранения!

– Хоть канцлеру, – Хирш указал на дверь. – День пресс-конференции пока не назначен. Когда я разрешу пациентам пообщаться с журналистами, Краузе сообщит вам в первую очередь, фрау... Нессель. Всего хорошего.

¹¹ Собака, сука (нем.)

Альфред почти витал в облаках, периодически ныряя в молочную реку с кисельными берегами, а затем снова взмывая к теплому солнцу. Такого блаженства он не испытывал давно. Очень давно. Доктор Хирш на глазах у Краузе превращал в реальность давнюю мечту тысяч униженных и растоптанных каблуками Греты эйзенских мужчин. Да и женщин тоже. Этот хмурый толстяк с немодной лысиной и в нелепом белом халате поверх гражданского костюма поставил фрау Кошмарный Сон на место. Наконец-то нашелся тот, кто вывинтил взрыватель у этой напомаженной торпеды, кто разоружил и спешил этого бронированного риттера в юбке. Жаль, что не надолго. Грета непременно вернется, причем с какой-нибудь индульгенцией от министра здравоохранения или от шефа ГСП, а быть может, и от самого канцлера, за ней не заржавеет, и уж тогда не поможет никакой Хирш и даже Штраух. Фрау Нессель допросит всех, кого пожелает и вообще наведет в лазарете свой Великий Порядок.

Но пока... Альфред с нескрываемым удовольствием проводил Грету до границы внешней зоны сектора и «сдал» командиру взвода охраны.

– Я вернусь, – прошипела Грета, не глядя на Краузе. – Вернусь с ордером на арест этого вашего докторишки!

– В таком случае, до скорой встречи, фрау Нессель, – усмехнулся Альфред.

На обратном пути к изолятору инспектора будто кто-то легонько подпινывал под зад. Ему хотелось буквально пуститься вприпрыжку, настолько воздушным сделалось настроение.

– Весело, да? – встретил его на пороге Хирш. – Чертова баба! Мы еще хлебнем с нею кислого пива. Она действительно жена министра?

– Заместителя. Но вы не волнуйтесь, доктор. Раньше, чем послезавтра, она не вернется.

– А послезавтра она придет в компании десятка молодчиков из «Фольксштурма»? Ладно, инспектор, вернемся к нашим баранам.

– За что вы их так?

– Образно, герр Краузе, образно. Хотя матроса Крафта вполне уместно сравнивать с этим животным. Субъектов тупее я не встречал даже среди азиатов.

– Разве он не чистокровный ариец? – Альфред спросил это для протокола, неискренне, но демонстративно удивившись.

– Побочный эффект евгеники, – Хирш пожал плечами. – Это официальная теория, можете не стараться поймать меня на слове. Формулируя просто: чем чище генофонд, тем, конечно, меньше отклонений, но зато все «отклоненные» – абсолютные выродки. Впрочем, они тоже нужны для процветания общества. Если все станут красавцами семи пядей во лбу, кто будет выполнять черновую работу?

– Вы говорите о таких, как Крафт, но ведь вырождение может принимать иные формы. Физические уродства, к примеру. Как быть с такими экземплярами?

– Краузе, вы что, проверяете меня на благонадежность?! – доктор рассмеялся. – Вы забыли, что я с Марты? Великий Порядок для меня теория, а не закон! Занятная, но эфемерная, как марксизм или какое-нибудь сектантское учение. Конечно, пока я на Эйзене, я готов признавать ваш Порядок законом и выполнять все его статьи, но не требуйте от меня невозможного, я не вступлю в вашу партию, Краузе. Как чистый немец я вам сочувствую, но как человек и врач – нет. Ваша идеология негуманна и опасна...

– Доктор Хирш! – громко сказал Альфред и, сделав «страшные глаза», указал взглядом на потолок. – Если я правильно вас понял, матрос Крафт окончательно пришел в себя?

– Да, да, вы правы, – доктор смущенно покашлял и отвел взгляд.

Он отлично понял, что Краузе спас его от крупных неприятностей. Еще немного, и либеральные речи могли завести Хирша в дебри, из которых тот же Альфред был просто обязан вывести доктора напрямиком в карцер. А куда доктор мог попасть, когда к записям неосторожных слов добавились бы показания Греты, лучше и не фантазировать.

«А между тем, его лично пригласил ярый нацист и опытный гестаповец Штраух, – подумалось Альфреду. – Станный выбор».

– Ну, так мы побеседуем с матросом? – подтолкнул Краузе «зависшего» доктора.

– Если угодно, – Хирш развел руками. – Только уверяю, ничего ценного он не скажет. Если задавать ему конкретные вопросы, он ответит, а если попросите рассказать о полете в целом... Можете спросить у профессора Неймана. Мы вместе допра... беседовали с этим Крафтом.

Альфред немного поразмыслил и кивнул.

– Хорошо, давайте сначала изучим результаты вашего допроса.

– Беседы!

– Как бы вам ни было противно, доктор, в данный момент вы сотрудничаете с ГСП, то есть, фактически в ней служите. У нас принято называть вещи своими именами.

Альфреду показалось, что у Хирша свело челюсти, словно от порции аскорбиновой кислоты. Краузе про себя усмехнулся. Доктор не дурак и должен понимать, что мера лояльности старшего инспектора не бездонна. В знак благодарности за обуздание Греты Краузе пропустил мимо ушей опасные речи Хирша, и теперь они квиты. Теперь они снова люди, выполняющие как общую работу, так и каждый свою. Доктор – лечил, а Краузе служил старшим инспектором ГСП – государственной тайной полиции, святой обязанностью которой было, в частности, выявление и выдворение с Эйзена вольнодумствующих иностранцев.

– Сюда, пожалуйста, – Хирш снова нахмурился и первым прошел в крохотную ординаторскую.

В комнатке заседали трое: врач лазарета, профессор Нейман и неизвестно когда просочившийся мимо Альфреда инспектор Найдер. Профессор о чем-то неспешно рассказывал, а инспектор и врач внимательно его слушали. Со стороны – семинар в университете, да и только.

– Таким образом, происшествие с «Призраком-9» целиком и полностью укладывается в рамки теории о боковых поправках, – Нейман взглянул на новых «студентов». – Располагайтесь, господа.

Кресел в комнатке было только три, и Найдеру с врачом пришлось уступить места начальству. Альфред и Хирш не возражали. Либерализм был задушен минутой раньше, и отныне на территории карантинного сектора снова царствовала строгая субординация.

– Боковые поправки? – заинтересовался Краузе. – Это что?

– Считайте это своего рода карманами в гиперпространстве, – снисходительно пояснил профессор. – Попав в такой карман, корабль теряет вектор и начинает рыскать по хаотичной траектории в поисках выхода, но конфигурация боковой поправки очень сложна, и шанс найти точку входа ничтожен. «Призраку-9» невероятно повезло.

– А почему в эти карманы попадают не все корабли?

– Это пока неизвестно, – Нейман развел руками. – Не требуйте от науки объяснений того, что еще не изучено. Наука опирается на опыт, а не на фантазии.

Альфред кивнул и перевел взгляд на Хирша.

– Ждете дополнений? – доктор откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. – Могу добавить, что пребывание в этом кармане никаких органических изменений в мозгах наших пациентов не вызвало. А все функциональные проблемы вызваны экстренным торможением при выходе из затянувшегося прыжка и самим фактом выхода. Это своего рода защитная реакция организма. Шесть биологических лет постоянного стресса – и вдруг чудо спасения. Это, знаете ли, шок.

– Ясно, – Краузе снова взглянул на профессора. – А вы уверены, профессор, что судно вырвалось именно из этого... кармана?

– Не понимаю, – признался Нейман, – откуда же еще?

– Вы нашли какие-то свидетельства в памяти навигатора?

– В памяти, и не только, – профессор напрягся. – Вы что же, молодой человек, не верите в мою теорию?

– Так это ваша личная теория? – уточнил Альфред. – Теперь понятно.

– Что вам понятно?! – Нейман занервничал. – Судно попало в «карман», это не подлежит сомнению! А что касается состоятельности моей теории... она признана всеми ведущими учеными обитаемых миров! Это... это, как теория относительности! Она бесспорна!

– Скромно, – хмыкнул Хирш.

– При чем тут скромность?! – Нейман был готов взорваться.

– Мы не ставим под сомнение вашу теорию, профессор, – максимально миролюбиво произнес Краузе. – Но как контрразведчики мы должны допускать иные варианты развития событий. Например, такой, при котором «Призрак-9» вышел из «кармана» чуть раньше, а затем снова прыгнул, но уже с нормальной скоростью и с определенной целью – попасть в наше поле зрения.

– Не понимаю, – заупряился Нейман. – Зачем?

– Затем, что между прыжками кто-то из экипажа связался с вражеским Генштабом и получил инструкции насчет дальнейшей шпионской деятельности, – пробурчал Хирш. – Или кого-то из выживших просто подменили. Типичный сценарий шпионского детектива.

– Какой, к дьяволу, детектив?! – профессор перешел на шипение. – Это судно вышло из затяжного прыжка только сейчас! Никаких промежуточных остановок у него не было. Я изучил и сам корабль, и его электронику. Все так и есть.

– Ну, в марсианской разведке тоже имеются профессора, – продолжил издеваться над коллегой доктор Хирш. – Подправили программу навигатора, стерли там что-нибудь...

– Что вы лезете, Хирш, в дела, о которых не имеете ни малейшего представления?! Ваша версия просто смехотворна. Вы же не спутаете гайморит с геморроем? Так и я никогда не ошибусь при чтении протокола!

– Хорошо, профессор, остыньте! – вмешался Краузе. – Вы сказали, что подтверждения имеются не только в памяти навигатора. Где еще?

– В показаниях матроса Крафта, например, – Нейман всё еще обижался. – Он, конечно, не знает, как назвать этот феномен, но правильно описывает то, что происходило с судном.

– Очень интересно, – невольно подражая манере Штрауха, заявил Альфред. – И что же он говорит? Если можно, дословно.

– Я не владею *Gaunersprache*¹², поэтому могу передать лишь общий смысл сказанного. Судно, как и полагается, рыскало в поисках выхода, то есть, навигатор вел себя в полном соответствии с программой позиционирования в гипердрайве.

– С какой программой? – ожил вдруг Найдер. – Позиционирования? Я извиняюсь, профессор, вы толкуете о программе «Икс-хода»?

– Да, о ней.

– Но в компе «Призрака-9» стоит первая версия программы. Она умеет только одно – держать вектор. Искать выход она неспособна.

– И кто же, по-вашему, его нашел, женщина-программист? – Нейман взглянул на инспектора насмешливо. – Я не понял, вы что, инспектор, на досуге занимаетесь проблемами гипердрайва?

– Во время войны я ходил на «Призраке-42».

– Капитаном или программистом?

– Механиком, но...

– Механиком! – профессор всплеснул руками и закатил глаза. – А почему не коком?!

¹² Блатной жаргон (нем.)

– Там стоял пишемат, – Найдер стушевался. – Я просто хотел вам напомнить. Вдруг вы забыли.

«Браво, Фриц, – подумал Краузе. – Эти эксперты только и знают, что «якать» и давить авторитетом. А на самом деле их теории не стоят и пфеннинга. Для контрразведывательной практики они, как воздушный шар для ежа».

– Получается, матрос Крафт рассказал вам, профессор, то, что вы хотели услышать, а не то, что происходило на самом деле?

– Бред! – Нейман громко фыркнул.

Он и так напоминал поджарого скакуна, а уж теперь, с раздутыми ноздрями и почти стоящей дыбом гривой пегих волос, выглядел самым натуральным конем. Только не в упряжи, а в костюме с галстуком. Альфред едва сдержал ухмылку.

– Логика, профессор, и непредвзятый подход, – сказал Краузе. – Пора побеседовать с Крафтом на нашем языке. Как считаете, Найдер?

– Желательно после укольчика, – Фриц взглянул на доктора Хирша.

– Я доктор, а не палач, – Хирш демонстративно отвернулся.

– И все-таки, я не понимаю, инспектор, – попытался продолжить дискуссию Нейман, – что вы хотите сказать? Что Крафт лазутчик? На основании чего вы сделали такой вывод? И почему он, а не женщина-славянка. Разве не логично подозревать в первую очередь ее?

– Так мы и делали до последнего момента, – согласился Альфред. – И она остается под подозрением. Но Крафт всё же подозрительнее.

– Почему?

– Объясняю, – снисходительно произнес Краузе. – Во-первых, слишком уж стандартная у него легенда.

– Надо же, как подозрительно! – Нейман поморщился.

– Во-вторых, его рассказ явно подверстан под вашу недоказуемую теорию о «боковых поправках», сформулированную гораздо позже катастрофы судна.

– Теория верна!

– Но «Призрак-9» не мог проверить ее на практике. Не имел соответствующего программного обеспечения.

– Случайность!

– Вы верите в такие фантастические совпадения?

– Но если Крафт шпион, как он попал на судно?! Пусть навигатор «призрака» несовершенен и разумного объяснения спасению судна мы пока не имеем, но я гарантирую, что никаких «промежуточных финишей» не было и быть не могло! Судно было просто не в состоянии выйти из затяжного гипердрайва где-нибудь на орбите Марса и оттуда прыгнуть к Эйзену.

– Вот с этой неувязкой мы и надеемся разобраться, повторно допросив матроса Крафта, – Альфред поднялся. – Что у нас имеется в специальной укладке, доктор?

Хирш хотел, было, снова возмутиться, но вовремя сообразил, что вопрос адресован не ему, а штатному врачу лазарета. Эйзенский врач был не столь щепетилен. Он вытащил из нижнего ящика стола небольшой саквояж и похлопал его по лоснящемуся пластиковому боку.

– Все, что требуется, герр старший инспектор. Средство древнее, почти как шнапс, и такое же надежное – Н-пентотал. Запоеет, как соловей.

– Изверги, – тихо проронил Хирш.

– «Шварцлюфт» помнит гостей и посолиднее вас, – так же тихо возразил ему Краузе. – Прикусите язык, герр Хирш, мой вам добрый совет.

Доктор проводил офицеров ГСП и эйзенского врача хмурым взглядом. Профессор Нейман остался с Хиршем, но не из солидарности, а явно для того, чтобы позвонить Штрауху и пожаловаться на инспекторов. Ну что ж, его право.

Альфред поморщился, словно от зубной боли. Эти иностранцы слишком себя любят. Поживи они на Эйзене хотя бы год, вся их спесь и завышенная самооценка сошли бы, как змеиная кожа. Двенадцать обязательных семинаров в Доме пропаганды, восемь тренировочных сборов в учебном центре «Фольксштурма», четыре трехдневных строевых праздника, по одному в сезон, и еще триста тридцать суток жизни среди задвинутых на Великом Порядке нацистов сделали бы из этих экспертов настоящих патриотов. Людей, для которых военная мощь государства и расовая чистота важнее слюнвявого гуманизма, равноправия и прочих глупостей вроде неприкосновенности личности, презумпции невиновности и всяких там демократических свобод.

Нельзя сказать, что сам Альфред фанатично верил в правильность такого Порядка. К сожалению, чем жестче и холоднее закон, тем лицемернее его блюстители, ведь слишком крутые виражи этой ледяной трассы зачастую приходится «срезать» по «газонам». Но верить самому и требовать от других – не одно и то же. Может быть, где-то, когда-то и возникнет идеальное общество, в котором все будут говорить то, что думают, и делать то, что полагается, но пока это лишь мечта, особенно на Эйзене. И, тем не менее, даже несовершенный порядок лучше демократического хаоса и слащавого гуманизма.

Уже стоя на пороге изолятора, Краузе понял, что в данный момент Фортуна все-таки на стороне слюнтяев. В частности, тех, кто так переживал за здоровье подозрительного матроса с «Призрака-9». Матросу Крафту и его болельщикам повезло. По экстренной линии офицерам ГСП пришел сигнал сбора по тревоге третьей степени. Судя по степени опасности, ситуация была из разряда проверок бдительности, но все-таки «сбор» имел приоритет над текущими делами любой важности.

Офицеры, не долго думая, покинули лазарет и пошагали к лифтам.

– Усиление, – прижав палец к мочке уха, сообщил Найдер. – Была попытка проникновения на борт, вторая за сутки. Как обычно, взяли прямо в шлюзе, но по инструкции полагается провести «генеральный чёс», вот и объявили сбор третьей степени.

– Так я и думал, – Альфред вздохнул. – Только время потратим. Ведь ни первый, ни второй инцидент ни к чему не привели: обоих шпионов выловили еще в погранзоне, зачем срывать с мест всю ГСП? Формалисты!

– Порядок есть порядок, – Фриц ответил искренне, будто и вправду верил, что прочесывание города необходимо.

– Педантичность – надгробие рациональности, – Краузе раздраженно махнул рукой. – Иногда я понимаю таких, как Хирш.

– Доктор Хирш, по-вашему, рационален? – удивился Найдер.

– Нет, но Великий Порядок – это когда нет авралов, Фриц, когда все работает, как часы, независимо от обстоятельств. Пока мы будем, бросив важные дела, мотаться на «усилении», порядка на Эйзене не будет. Будут только смутные мечты о нем. А мечты, как кривые тропинки, ведут в тупик, согласитесь, Фриц. Дорога к великой цели должна быть прямой и вымощенной кирпичами точных, внятных инструкций, а лучше выложена безукоризненными плитами исчерпывающих алгоритмов и закатана асфальтом железной дисциплины.

Альфред мысленно поаплодировал себе любимому и даже поставил оценку «отлично». На семинаре в Доме пропаганды за такой пассаж ему вполне могли дать значок агитатора первого класса.

Правда, на Фрица речь начальника впечатления не произвела. У Найдера вообще было очень туго с восприятием пропагандистской поэтики и прочего черного юмора. Он понимал только прямую речь, без изысков и скрытого смысла. Наверняка он сейчас глядел на свое отражение в лифтовом зеркале и думал, что «железный асфальт» будет слишком дорог в производстве, а недовольство старшего инспектора приказами руководства следует обязательно протоколировать и отправить протокол в отдел собственной безопасности.

Хотя, возможно, он думал, что пора подать заявку в вещевую службу на новую сорочку и галстук. Что за фрукт этот Найдер, старший инспектор Краузе пока так и не разобрался.

В штабе карантинного сектора офицеров ждали сразу два сюрприза, один «приятнее» другого. Во-первых, выяснилось, что сбор по тревоге отменен, то есть они потратили целый час драгоценного времени совершенно напрасно, а во-вторых, в кабинете у Штрауха уже минут двадцать бушует тайфун по имени Грета.

– Ну и как думаешь, – уныло спросил Альфред у дежурного офицера, – прокусит эта вампириша шкуру нашего мастодонта?

– Если цапнет за яйца, то легко, – офицер Клаус наклонился, поманил Альфреда и негромко добавил: – Она что-то знает о его прошлой жизни!

– А чего она хочет?

– Получить полный доступ к делу «призрака», – Клаус перешел на шепот. – Грозит, в случае отказа, добиться передачи дела в другой сектор.

– Нам меньше забот, – Альфред пожал плечами. – Напугала!

– Но шеф, похоже, уцепился за «призрака» всерьез, – Клаус многозначительно округлил глаза. – Может, почуял шанс.

– Это ты здорово сказал, – Краузе усмехнулся. – Почуял. Ладно, будем готовиться к худшему, но надеяться на лучшее. Если Грета его сломает, будь другом, сообщи мне или Найдеру.

– Без вопросов, – офицер сочувственно взглянул на Краузе. – Да, ситуация дерьмовая.

Клаус и не представлял, насколько пророческой окажется его реплика. Как выяснилось по возвращении в лазарет, ситуация сложилась – дерьмовее некуда. И дело было не в угрозе вмешательства Греты. Пока инспекторы ГСП вынужденно катались по Эйзену на «лифтах», из тщательно охраняемого изолятора исчез главный подозреваемый.

Охрана и персонал медицинского отсека только разводили руками. На протяжении последнего часа в изолятор никто, конечно, не заглядывал, но выйти из него незамеченным было практически невозможно. Так оправдывался врач.

Краузе и сам понимал, что улизнуть из лазарета непросто, однако факт был налицо. Матрос Крафт каким-то образом просочился мимо увлеченных научными беседами Неймана, Хирша и врача, миновал охрану внутреннюю и внешнюю, нейтрализовал системы наблюдения и с чистой совестью затерялся в многолюдных коридорах свободной зоны огромного космического города.

Краузе заложил руки за спину и прошелся по изолятору. Факт побега был, конечно, крупной неприятностью, но зато он укрепил Альфреда в уверенности, что именно Крафт, а вовсе не Катрина Вильгельм является тем, кто нужен ГСП. Похоже, Штраух в своей туманной речи перед началом расследования говорил именно об этом. «Не все золото, что блестит. Не все очевидно, что очевидно...» Кажется, так он выражался? Ну что ж, вот и доказательство его пронищательности. Женщина с немецким именем, но славянской внешностью (красивая, между прочим) на месте, а истинный ариец Крафт в бегах.

Альфред коснулся коммуникатора и запросил штаб.

– Теперь прочесывание будет оправдано, – невесело усмехнувшись, сказал он притихшему Найдеру.

– И новое расследование тоже, – инспектор взглядом указал на дверь в ординаторскую. – Ведь кто-то же помог ему сбежать.

– Займитесь этим, Фриц, – Краузе прекрасно понял, кого в первую очередь подозревает Найдер. – Только не перегните палку. Хорошие эксперты на дороге не валяются.

– Будут валяться, – серьезно ответил Фриц. – В ногах будут валяться, никуда не денутся. Краузе ему почему-то поверил; сразу и на все сто.

* * *

Вопреки прогнозам, погода в столице значительно улучшилась. Еще утром было пасмурно и холодно, но к полудню подул настойчивый южный ветерок, и в просветах облаков засияло солнце. Соцветие роскошных вывесок тут же поблекло, объемные ролики уличных реклам стали призрачными и больше не усложняли без того непростую транспортную ситуацию, приковывая внимание водителей, а светящаяся разметка наземных и воздушных трасс автоматически добавила насыщенности и снизила яркость. Все равно состязаться с солнечным светом ей было не по силам.

Довольно скоро ветер унес за горизонт абсолютно все облака, и Москву под завязку залило невесомым солнечным золотом, просочившимся сквозь тонкую голубую ткань холодного зимнего неба. Солнечный свет был ярким и живым, не в пример электрическому. А еще он был торжественным, особенно вокруг церквей, кремлевских башен и островерхих небоскребов центра столицы. Золотые блики от маковок, крестов и двуглавых орлов множились в зеркальных стеклах деловых высоток и рассыпались миллионами бриллиантов на заснеженных ветвях деревьев Александровского сада и парка Новой Победы, разбитого после Четвертой мировой на месте выжженного пустыря от Лубянки до Славянской площади. Было очень красиво, несмотря на чудовищное мельтешение перед глазами тысяч воздушных машин и муравьиные бега далеко внизу машин наземных. Красиво и с душой. Для современных городов последнее обстоятельство и вовсе редкость.

В Стокгольме, например, ничего подобного не увидеть даже в схожую погоду. Там царствует триумвират изысканной технологичности, стильного практицизма и шведской утонченности: элегантной, но прохладной, как легкий северный ветерок. Сочетание сложное, временами захватывающее, только безжизненное, как фьорды, и рациональное, словно архитектура сверхмощного биопрототипа. Возможно, быть гигантским компьютером, только не биостатистическим, а из стекла и камня, для столицы важнее, чем иметь душу и колорит, ведь управлять отсюда приходится не дремотным Британским Королевством и не замкнувшейся в своих ледяных катакомбах Антарктидой. Москва управляла целым Объединением Вольных Княжеств Земли и Колоний, государством беспокойным, бурно развивающимся и вообще... сложным. Возможно, шведский суперкомпьютер справился бы с такой сверхзадачей гораздо эффективнее русской «аналоговой» столицы, как знать? Возможно, не стоило переносить столицу в Москву, но...

«А вот и нет! «Возрождение» всё сделало верно. Довольно с нас равнодушных Земных Федераций, холодных столиц и правителей-убийц с процессорами вместо мозгов».

Князь Преображенский, в силу своего воспитания и пристрастий, искренне считал, что если город – сердце государства, это сердце должно биться, а не перекачивать терабайты информации в гиперсеть и обратно.

«Сердцем надо жить человеку, сердцем и душой, а не желудком и рефлексом. Иначе и жить незачем».

Гравимашин перестроилась с четвертого на третий воздушный уровень и автоматически сбросила скорость. На этой высоте действовало несколько жестких ограничений, в частности, было запрещено летать в ручном режиме и разгоняться быстрее двух сотен, поскольку здесь начинались парящие кварталы элитных «флаусов», да и некоторые наземные здания дотягивались сюда шпилями антенн и жилыми этажами.

Врезаться в антенну – полбеда. Антенне ничего не будет, а гравимашин, даже серьезно поврежденная, имеет шанс приземлиться благополучно, ведь системы безопасности, особенно у китайских моделей, хорошо продуманы и очень надежны. А вот въехать в пентхаус небоскреба или протаранить парящий на полукилометровой высоте «флай-хаус» – частный грави-

дом, это уже проблема с продолжением в виде уголовного преследования. Повреждение имущества, создание опасной ситуации и так далее, вплоть до подозрения в терроризме. С одной стороны, случайно или намеренно сбить летающий дом нетрудно и другим способом, например, рухнув с верхнего транспортного уровня, но в том-то весь фокус, что на горизонтальные маневры гравидома рассчитаны, а на вертикальные нет; только взлет-посадка. То есть, если что-то падает сверху, автоматика квартала может изменить конфигурацию сцепки домов, убрать или изогнуть переходы, в конце концов, если нельзя избежать столкновения, реально поменять здания местами, подставив под удар не жилой «флаус», а вспомогательный, вроде спорткомплекса, парковой площадки или «скаймаркета». А вот уйти от тарана в горизонтальной плоскости дома не могут, слишком жестко привязаны к указанной в пространственной схеме города высоте. Без разрешения отдела воздушной архитектуры мэрии – ни-ни!

В общем, лететь по третьему уровню полагалось неторопливо и плавно, вписываясь в ограниченные лазерной разметкой воздушные коридоры, старательно избегая шпилей, пентхаусов и летающих кварталов. Колыбельная, а не маршрут.

Павел Петрович не то, чтобы наслаждался полетом, но хотя бы не чувствовал себя плохо. Полет как полет. Конечно, по четвертому или пятому транспортному уровню лететь приятнее: все небоскребы внизу, и гравимашина не выделяет замысловатых пируэтов. Однако верхние уровни чересчур забиты транспортом, поэтому там немудрено попасть в своего рода затор. В воздухе, конечно, «пробки» рассасываются быстрее, чем на земле, но все равно время теряется, а настроение портится. А вот третий уровень – милое дело. Свободно, невысоко, можно полюбоваться видами, а если держать предписанную скорость, еще и попадаешь в «зеленую волну». Конечно, профессиональные водители презрительно называют этот воздушный уровень «пенсионным», но Преображенский давно убедился, что в городе, как ни гони, на какую высоту ни воспарит, а потратишь на дорогу столько же времени, сколько на любом другом уровне, при любой другой скорости. Так рассчитано компьютерами транспортной инспекции. Можешь даже забраться на суборбитальную высоту и рухнуть оттуда ясным соколом в интересующую точку, результат будет тот же. Единственный минус «пьяной дороги» – качка. Бывшему десантнику, летавшему и не по таким траекториям на бортах посадочных челноков и машин атмосферной авиации, маневры были незаметны, а вот сугубо кабинетному подполковнику Ривкину они определенно встали поперек желудка. За полчаса полета он раз десять проклял изобретателей гравилетов, столичные транспортные схемы и лично мэра Москвы, разрешившего летать ниже «красной линии», по считавшимся до недавнего времени резервным уровням.

– Я не против авиатранспорта в целом, поймите правильно, – зеленея после очередного виража, простонал аналитик. – Летать по прямой – чистое удовольствие, даже для меня. Но зачем было разрешать этот слалом?!

– Вы же видите, что творится наверху, – не отрывая взгляд от голоэкрана компа, пробормотал Преображенский. – Даже после введения дополнительных уровней движение близко к безумному. Никто ведь не рассчитывал, что Москва станет столицей.

– Лучше бы оставили все, как есть, – Ривкин закатил глаза. – Еще немного, и меня таки стошнит. Хорошо, что здесь кожаный салон. Легко будет отмыть перед продажей.

– В кармашке сбоку есть пакеты. Думаете, в Стокгольме движение спокойнее? Сейчас, конечно, да, но когда он был столицей... Пакет, Ривкин, пакет возьмите!

Подполковник несколько секунд боролся со спазмами, изгибаясь, как гусеница на яблоке, затем, поборов предательские рефлексy, выпрямился и поднял руку.

– Все в порядке, ваш свет, прошу прощения.

– Бывает, – князь скрыл усмешку. – Потерпите пять минут, Аарон Моисеевич, подлетаем.

– Как сказал Рабинович в первую брачную ночь после золотой свадьбы: «Ничего не гарантирую, но постараюсь».

– Хотите, отвлеку вас работой? Мне прислали любопытный рапорт...

– Если я сейчас прочитаю хоть строчку, меня точно вывернет наизнанку, вам надо это видеть?!

– Это видеорапорт. Снят скрытой камерой. Качество так себе, зато аналитический материал – закачаетесь.

– Ваша светлость, ни слова о качке! Откуда рапорт? Неужели...

– Точно, подполковник, – Преображенский расплылся в довольной улыбке. – С Эйзена, герр Ривкин! С этого железного меча¹³, будь он неладен, который висит у нас над головами и вот-вот рубанет с оттягом! Первый репортаж без цензуры и официальных прикрас. Впрочем, нет, лучше мы сначала приземлимся.

– Я уже в полном порядке, – Ривкин умоляюще сложил руки. – Павел Петрович, вы же не эйзенский генерал, вы таки приличный человек! Не уподобляйтесь этим извергам, не мучайте!

– Вас и так мутит, а тут съемки на ходу, камеру качает, как лодку в шторм, да еще свастики кругом.

Ривкин мужественно сдержал очередной позыв. На его счастье машина пошла вниз, прицелившись на свободное местечко в центре стоянки перед зданием Генштаба.

Едва гравимашина коснулась площадки, подполковник выпрыгнул на свежий воздух и на всякий случай отбежал к газону. Павел Петрович выбрался из транспорта не столь поспешно и терпеливо дождался, когда Ривкин решит свои внутренние проблемы.

– Так ничего из меня и не вышло, – вернувшись к машине, сообщил аналитик.

– У вас вся жизнь впереди, – Преображенский снова усмехнулся. – Идемте в спецкомнату.

– В «аквариум»? – удивился подполковник. – Зачем?

– Об этом репортаже никто не должен знать. Даже о его существовании.

– И штаб операции не должен знать?

– Подстрахуемся, – уклончиво ответил Павел Петрович.

– Я только «за», – Ривкин понимал всё с полуслова. Иногда князю казалось, что аналитик и вовсе читает мысли начальства. – А пишемат там есть? Я бы сейчас горячего чаю выпил, с сахаром.

– Там всё есть, – Преображенский подтолкнул аналитика к лифту. – В первую очередь тишина и покой, чтобы сосредоточиться.

Обстановка в защищенном от любых видов шпионажа помещении действительно была умиротворяющей. Интерьером «аквариум» напоминал классический кабинет, совмещенный с богатой частной библиотекой. Ривкин впервые попал в это местечко и был несказанно удивлен, в особенности тому, что все книги на стеллажах настоящие, а не голографические «обои» или пластиковые новodelы для неопытных коллекционеров.

– Книги – это неудобно, но как щекочет воображение! – подполковник осторожно взял с полки толстый том в суперобложке. – Двадцать первый век? Авдотья Деньжова. «Скелет в кастрюльке». Классика?

– Безусловно, – Преображенский сел за стол у окна и указал Ривкину на кресло у противоположной стены. – Садитесь, Аарон Моисеевич, кресло с массажером. Вашу хандру снимет, как рукой.

– А могу я это на досуге... – Ривкин взвесил в руке фолиант.

– Ради бога, только учтите, это иронический детектив.

– А-а, – подполковник поставил книгу обратно. – Я люблю про шпионов. Ладлэм или Флеминг здесь есть?

– Здесь всё есть, – Павел Петрович открыл комп. – Но у нас свои шпионы, не забыли?

¹³ Eisen – железо; меч (нем.)

– Да, да, – аналитик послушно плюхнулся в кресло. – Итак!

– Итак, на связь вышел наш агент, – торжественно объявил Преображенский. – Агент с Эйзена! Один факт того, что ему удалось проникнуть в Железный город, уже тянет на этакую секретную сенсацию. Но мы имеем не только этот факт, а еще и пакет достоверной разведывательной информации, за которую нашему агенту полагается, как минимум, «золотая звезда».

– А как максимум – каменный крест и чугунная оградка, – скептически морщась, сказал Ривкин. – Его сразу убили или пытали перед смертью?

– Типун вам, Аарон Моисеевич... Он жив и здоров, – князь Преображенский покосился на подполковника с осуждением. – Комплекс отвлекающих маневров с разведчиком-простофилей, которого завернули прямо из шлюза, и другими компонентами «дымовой завесы» удался. Мы устроили *der Sturm im Wasserglas*¹⁴, чем отвлекли внимание ГСП.

– Так я и поверил, что у вашей задумки такое незатейливое прикрытие, – Ривкин вздохнул. – Но я понимаю, каждому своя доза информации. И что в итоге? Ну не томите же, Павел Петрович!

– Если вас это утешит, Аарон Моисеевич, скажу: вы знаете больше всех посвященных вместе взятых. Даже больше Гордеева. В результате отвлекающего маневра нашему агенту удалось проникнуть на закрытые для гостей уровни города, – Преображенский включил объемный экран. – Вот они.

– Какая-то серая масса, – Ривкин подался вперед, внимательно изучая картинку. – Качество так себе. Что у него за видеолинзы?

– «Томсон», модель 12 плюс.

– Старье, – подполковник негромко фыркнул. – Но обнаружить их невозможно, это факт. А картинку мы обрабатываем, будет не хуже голливудской. И что же, весь репортаж из жилой зоны?

– Пока да, но и это успех, который дает массу информации, – князь осекся и вопросительно уставился на Ривкина. – *Даст* массу информации, не так ли?

– Ну-у, – от осознания собственной значимости аналитик приосанился и теперь напоминал объевшегося суслика. – Материала не так много, как хотелось бы, но *einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul*¹⁵.

– Вы делаете успехи в немецком, – Павел Петрович взглянул на подчиненного одобрительно. – Так держать.

– Еще год назад я даже на электрическом стуле не стал бы учить этот язык, но теперь, ради великой цели... Интересно, ваша светлость, вы заметили, что все прохожие одеты примерно одинаково и движутся по двум основным направлениям: вон к тому шлюзу с *Hakenkreuz*¹⁶ на створках и, наоборот, – от него.

– На Эйзене принято носить специальную одежду. Комплекты варьируются в зависимости от принадлежности к социальному слою и от времени суток. Рабочие и мастера ходят на смену в серых комбинезонах, а в свободное время прогуливаются в черных брюках, светло-голубых сорочках и рыжих пиджаках. Видите? Инженеры и служащие носят синюю униформу, воспитатели, учителя и медики – белую, а сотрудники политических комиссий и полицейские – черную.

– Здесь такое качество картинки, что все в сером, – заметил Ривкин. – Но ничего, оцифруем, раскрасим, даже губы красоткам подведем. Хотя особых красоток я что-то не вижу.

– Вы правильно подметили...

– Насчет красоток?

¹⁴ «Буря в стакане воды» (нем.)

¹⁵ »Дареному коню в зубы не смотрят» (нем.)

¹⁶ Свастика (нем.)

– Ривкин, в вашем-то возрасте! Правильно подметили насчет того, что все эти люди идут либо с работы, либо наоборот, на смену. То, что вы назвали шлюзом, в действительности ворота Третьего Литейного цеха. Агент утверждает, что не меньше половины гражданского населения Эйзена работает в Литейных цехах, которые на самом деле ничего не льют. Что делают в действительности, пока неясно, но никаких печей в них нет и на выходе вовсе не чугунные болванки. Охрана складских комплексов и внутренних причалов усилена патрулями из «Фольксштурма». Почему, как считаете?

– Может, это не литейные цеха, а аффинажные заводы? Патрули помогают сторожить золотишко.

– Вряд ли. Хотя, если судить по уровню защищенности цехов и складских отсеков, это, конечно, самое разумное предположение. А теперь включите свои аналитические способности на полную катушку, подполковник Ривкин. Смотрите, что мы имеем: во глубине далекой космической станции, на борт которой допускаются только избранные, спрятаны некие производственные мощности замкнутого цикла. Какое конкретно сырье поставляется в цеха, мы не знаем, что из них выходит – тоже. Зато мы знаем, что руководство Эйзена не доверяет даже собственным гражданам, поскольку, кроме стандартной защиты от любопытных туристов с других немецких колоний, ставит вокруг цехов второе кольцо оцепления. Почему?

– Слишком высока цена ошибки, – аналитик оторвал взгляд от изображения. – У нас это называется «объектом наивысшего уровня секретности». Один намек на правду – и крышка всем: от дворника до канцлера. Так?

– Очень даже может быть. Если Эйзен действительно готовится к войне, такая секретность объяснима.

– Думаете, в Литейных куют оружие?

– Думаю, да. Но вот какое? К войне какого поколения готовиться нам? Если это ядерные фугасы – сценарий будет один, если – полевое оружие – другой, и третий, если там снаряжают боеголовки отравляющими веществами.

– А не могут Литейные цеха вообще ничего не производить и служить закрытыми тренировочными базами?

– Могут, – Преображенский кивнул. – Особенно если учесть, что в барах двумя уровнями выше много военных. Причем, не только флотских из Сил орбитальной обороны, в быту – *Strandwache*¹⁷, и полицаев из ГСП, а еще десантников и... людей из военной разведки Рура. Скорее всего, это инструкторы. Как вам такие комментарии?

– Так много информации, но еще больше вопросов... парадокс!

– Вас это удивляет?

– Нет, я привык. Но откуда ваш агент все это узнал? – Ривкин лукавил, на самом деле он был искренне удивлен. – Все эти комментарии – результат обычной прогулки по жилому кварталу?

– Профессионал, не так ли? – князь загадочно улыбнулся.

– Павел Петрович, – аналитик страдальчески выгнул густые брови, – я старый... американец и не верю в чудеса. У нас в «Америке» вообще никто не верит в чудеса, особенно в Хайфе, где я имел счастье родиться. Ваш агент попутно влез в Эйзенскую сеть?

– Ну, если не вдаваться в подробности... да, – князь рассмеялся. – Правда, пока лишь на кредитный сервер. Разве не чудо?

– Он еврей?

– Нет.

¹⁷ Береговая охрана (нем.)

– Тогда чудо, – Ривкин для пущей убедительности хлопнул по подлокотнику. – Дайте мне сутки, ваша светлость, и я выпекну из этого сырого теста настоящий торт. Вы оближете пальчики!

4. Февраль 2299 г., Эйзен – орбита

Альфред вымотался, как две собаки. С того момента, когда обнаружилось исчезновение матроса Крафта, прошло десять часов и все, кто участвовал в поисках, валились с ног. Хуже всего было то, что Крафта не нашли, как ни старались. Ни в одном из уголков Эйзена не было даже намека на его присутствие. А между тем каждый из уголков обязательно попадал в поле зрения хотя бы одной камеры наблюдения.

Результаты поиска не столько огорчали, сколько обескураживали. Никто из офицеров карантинного отдела не верил в мистику, но иначе объяснить исчезновение матроса было нельзя. Альфред почти поддался их настроению, припомнив замешательство Найдера, когда обнаружилось, что на борту корабля имеется кто-то живой. Фриц тогда намекал, что люди на борту могут оказаться не совсем теми, кем выглядят, то есть не совсем людьми. Сутки назад Краузе посмеялся, но теперь, после десяти часов безуспешных поисков, был готов согласиться с версией Найдера. Лишь усилием воли он взял себя в руки и решил мыслить трезво.

Шпионы неведомых «чужих» не стали бы раскрываться так рано. Наверное. И вообще – к черту фантастику! Что за дурацкие мысли? «Чужие», «летучие германцы»... бред от усталости! Начнешь тут бредить. Крафт ведь пропал, будто его и не было! Да и с остальными обстоятельствами дела полная неразбериха. И как разгрести этот завал – вопрос вопросов.

Видя, как мучается старший инспектор, приуныли подчиненные. А всё тот же Фриц Найдер, после допроса свидетелей присоединившийся к поисковой группе, не скрывал своего скептического отношения к перспективам розыска исчезнувшего матроса. Насчет нечеловеческой сущности «спасенных» он больше не заикался, но вера в состоятельность именно первоначальной версии ясно читалась в его взгляде.

Доволен таким развитием событий был только один человек – Грета Нессель. Она все-таки выбила у Штрауха разрешение участвовать в следствии по делу «Призрака-9» и теперь с энтузиазмом путалась под ногами, старательно ухуждая едкими замечаниями и без того скверное настроение сыщиков.

– В музее национального кино есть несколько плоских фильмов с шикарным мужчиной в главной роли, – томно глядя на Краузе, промурлыкала Грета, – У него роскошные мышцы и такой твердый взгляд! Истинный ариец! Так вот, по сюжету он был роботом в биологической оболочке.

– Этот актер австриец, – заметил Найдер. – Мы провели полное медобследование экипажа, включая все виды сканирования. Все трое – люди, а не роботы в человеческой коже. Да и не существует пока таких совершенных андроидов.

– И вряд ли они хоть когда-то появятся, – Альфред недовольно покосился на фразу Нессель и вернулся к Найдеру. – Фриц, у вас есть соображения?

– Разработка человекоподобных роботов – тупиковый путь, который...

– Фриц! Я говорю о деле Крафта!

– Виноват, герр старший инспектор! Полагаю, нам следует вернуться в исходную точку и попытаться поминутно восстановить ход событий.

– Но камеры ничего не зафиксировали, как будто ничего не произошло! И ваши усилия оказались напрасными, ведь Хирш молчит. Как мы...

– Мы пойдем другим путем, герр старший инспектор, – Найдер поднял руку. – Мы смоделируем ситуацию. Воспроизведем всё до мелочей, до мельчайших движений мизинцев и кратчайших междометий.

– Ах, как это интересно, – Грета взяла инспекторов под локотки и заманчиво колыхнула грудью. – Не терпится увидеть, наконец, как работают настоящие профессионалы. Ведь до сих пор вы притворялись дилетантами, чтобы подразнить меня, не так ли?

Краузе крепко ухватился за ремень, чтобы случайно не захватить Грете локтем в бок. Фриц, честь ему и хвала, не отреагировал вовсе, словно замечание относилось исключительно к Альфреду. И вполне возможно, так оно и было. Альфред вдруг осознал, что фрау Нессель поддевает Найдера исключительно за компанию с кем-то еще и никогда не язвит в его адрес напрямую. В чем, интересно узнать, тут было дело? Фриц не реагировал на подначки, и потому был Грете неинтересен? Или наоборот, он был ей слишком интересен, но она скрывала этот интерес где-то в глубине души? Так или иначе, этот факт следовало взять на заметку, глядишь, пригодится.

До возвращения в карантинную зону Альфред держался почти так же невозмутимо, как Найдер. Чего это ему стоило, вопрос другой, но внешне старший инспектор оставался абсолютно спокойным. В первую очередь таким способом он проверял версию насчет эффективности метода Фрица. Получилось не очень убедительно. Фрау Нессель не прекратила издеваться, хотя острота комментариев к моменту прибытия в лазарет все же пошла на убыль. Возможно, Найдер был все-таки прав, используя в качестве защиты от неизбежного зла полное равнодушие.

В медицинском отсеке следственную группу ожидал очередной сюрприз. Нет, матрос Крафт не появился, зато исчезли Нейман и Хирш!

– Это уже не смешно, – хмуро разглядывая перепуганного врача, сказал Альфред. – Вы куда смотрели?

– Я... я работал с документами, герр старший инспектор!

– А вы? – Краузе перевел взгляд на офицера охраны. – Вас что, не предупредили?

– Так точно, герр старший инспектор!

– Что «так точно»?! – Краузе не выдержал и ударил ладонью по столу, чем напугал только врача. – Профессор Нейман и доктор Хирш должны были оставаться в секторе! Куда они направились?

– Не могу знать, герр старший инспектор!

– Найдер, занесите этого болвана в мобилизационный список. После дня «Д» ГСП обойдется без его услуг. А он пусть чуть поумнеет в окопах!

– Да, герр старший инспектор, так и сделаю, – Фриц подошел к офицеру вплотную. – Но пока вы служите в ГСП, извольте шевелить мозгами, офицер! Куда направились колонисты, быстро отвечайте!

– Кажется, – офицер сморгнул скатившуюся на веко со лба капельку пота, – этот доктор... Хирш, попросил Неймана проводить его в отель. Хиршу стало плохо... кажется.

– Плохо ему стало еще в моем присутствии, – Найдер обернулся к врачу. – Вы не оказали Хиршу необходимую помощь?

– Он прогнал меня, – врач нервно смял край белого кителя. – Обозвал недоучкой, другими словами и... прогнал. Он такое говорил! По нему плачет «Шварцлюфт», герр инспектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.